

Саша БОРОДИН

БЕНЯ

Наши люди в Канаде

16+

Александр Бородин
Беня. Сборник рассказов

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Бородин А. В.

Беня. Сборник рассказов / А. В. Бородин — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Книга не имеет возрастных ограничений для читателей, хотя её заключительная треть предваряется рубрикой "Сказки для пожилых". Это фантастические рассказы, при чтении которых не оставляет ощущение репортажности о реально происходивших событиях. Рассказы автора регулярно публиковались на протяжении более чем двух последних десятилетий в русскоязычной периодике Канады и США, снискали широкую известность. Они смешные и добрые. На обложке фотография из личного архива автора.

Содержание

Мотать!	6
Беня	8
Одиссея Моисея	10
Уникум	13
Стихи о канадском паспорте	15
Шок	18
Индейское лето	20
Пинок удачи	22
Паразит	24
Джентельменка	27
Любимая, желанная	29
Рио, Рио...	31
Молитва воркоголика	35
Диагноз: стерва	37
Циклотимия	39
Первые шаги	42
Тень	45
Жертвоприношение	48
Не выдавайте меня!	51
Из жизни мертвых душ	53
Интересная жизнь	55
Штраф	57
Стон!	59
Безотцовщина	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Саша Бородин

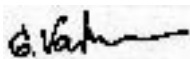
Беня

Рассказы о наших людях в Канаде

Дни, женщине моей жизни.

«Саша Бородин – постоянный автор газеты «Новое Русское Слово». Он пишет короткие забавные истории, пользующиеся популярностью у читателей. Время действия в этих историях – сегодняшний день, место действия – Канада, действующие лица – иммигранты из России. Саше присущ легкий ироничный стиль, его тексты проникнуты неизменным оптимизмом. Это рассказы зрелого профессионального литератора, мастерски владеющего русским литературным языком. Убежден, что книга рассказов Саши Бородина будет с интересом встречена читателями».

Георгий ВАЙНЕР

*Нью-Йорк.
15.10.1996.*

Мотать!

Монолог в ушастом «Запорожце» 1986-го года выпуска

– Что там у тебя? «Геркулес»? Живем! Говорят, в овсе есть абсолютно все вещества, необходимые для полноценной работы организма... лошади. Дай на заднее сиденье заброшу. А-а, черт! Опять стартер не контактит! Пристегивайся пока, я вручную проверну. Ну вот, затахтел родимый! Вперед! Чего это на тебе лица нет? Небось, думаешь, что я другую завел? Нет! Все гораздо проще, хотя и сложнее. Где пропадаю? Ладно, слушай всю правду. Но имей в виду: я с тобой говорю не как с женщиной, а как с человеком. Разговор будет очень серьезный. Не могу я больше! Да не о тебе речь, глупая! Здесь я больше не могу, вот что. Помнишь, когда перестройка началась, я тебе сказал: «Не понимаю, как это можно разобрать «Запорожец» и из получившихся деталей собрать «Мерседес»?» Видишь теперь, как я был прав. Но не в этом даже дело. Культуры у людей нет. Демократия для большинства, как пишущая машинка для неграмотного. Вот мы вроде самых толковых выбрали. Они мозгуют, советуются, спорят, каждую строчку в новых законах обсасывают. А кто эти законы читает? Говорят, самые важные вопросы надо выносить на всенародный референдум. Как будто миллион дураков решат лучше одного умного. Вот сейчас домой приедем – в лифте опять лужа будет. Сосед из 44-й даже стихотворение сочинил: «Не поможет плебисцит, если в лифте плебей... пишет». Ну скажи, можно такой закон придумать, чтобы в лифте не... писали? То-то же! В общем, безнадега! Лучше здесь не будет. Будет только хуже. Может быть, когда-нибудь, лет через сто что-нибудь и наладится, только мы с тобой давно уже в земле сгнием. Мотать отсюда надо! Мотать! Знаешь, как мы в армии перед дембелем пели: «До свиданья! Путь уже пройден ве-е-есь. До свиданья! Нечего делать нам зде-е-есь...» Там немного другие слова были. Ты думаешь, я тебе на прошлом месяце в аванс только тридцатку принес из-за того, что прогулял с кем-то? Вот и нет. Я возле австралийского посольства у одного мужика за пять пятьдесят анкету купил. Чтобы эмигрировать. Да не плачь ты! Все не так просто. Там, оказывается, баллы. Специальность для них полезная – балл, язык знаешь – еще балл, молодой опять балл... В общем, я и половины не набрал. Почему анкету не продал? Я Петьке отдал. Он тоже... Обещал в случае успеха расплатиться австралийскими долларами. Я и про Канаду узнавал, и про Штаты. Сама понимаешь, все это требует времени, и немалого. Дело серьезное. Тебе я пока не говорил, потому что не верил, что ты правильно поймешь. А теперь убедился – ты человек свой. Тебе ведь тоже не больно по очередям нравится отираться. То-то же! Слушай дальше. Я все узнал подробно. В развитые капстраны не прорваться. Во-первых, мы по этим самым баллам не проходим. Во-вторых, в ихние посольства очереди, как когда-то в Мавзолей. Ну, и языковой барьер, конечно... И тогда я придумал такую штуку... В общем, верняк! Теща-покойница, земля ей пухом, картавила маленько. Меня это тогда раздражало, а сейчас... Ты мне прямо скажи, не стесняйся – она из евреев? Зачем вспомнил? Понимаешь, у евреев национальность считается по матери. Если теща была еврейка, значит – и ты. Да не плачь, сколько можно! Дело серьезное. По паспорту, я знаю, ты русская. Но если у тещи в метрике сама понимаешь что, то ты можешь мотануть в Израиль. И я с тобой. Ну и что – жарища! Ну и что – палестинцы! Зато не здесь! А язык – ерунда. Там чуть не половина наших. Выучим, другие же учат, а мы что – глупее? Ну вот и приехали. Иди, я пока жиклеры продую. «Геркулес» захвати! Отцу – ни слова! А про тещу узнай!

– Клава! Привет! Я тебе из автомата звоню. В общем, я своей мозги запудрил. Такое наплел... Потом расскажу. Значит, завтра, где обычно. Целую. Очень! Еще целую. Очень-очень! Пока.

– Погоди, сейчас канистру на балкон заташу. Ну, чего у тебя там? Копия? Тещина мать из одесских греков? Ну, ты совсем сбрендила! Хотя... Дай-ка посмотрю... Чем черт не шутит...

1991.

Беня

В Оттаве многие знали его по имени и участливо интересовались:

– Как себя чувствует Беня?

В свои одиннадцать лет, честно говоря, чувствовал он себя не очень хорошо, потому что возраст собак и автомобилей нужно умножать на семь, чтобы сопоставить его с человеческим. Однако, когда я спрашивал жену, кто в нашей семье больше всех работает, она неизменно отвечала:

– Беня!

Что правда – то правда: трудолюбия нашему старенькому «Chevrolet» было не занимать. Он, что называется, «пахал» всюду – мотался по иммиграционным конторам, делал все необходимые по дому закупки, готовил одичавших в мало-автомобильной России новичков к сдаче экзамена для получения канадских водительских прав, ежедневно возил меня на работу и обратно, а когда я переквалифицировался из портных в охранники, он, рискуя кузовом, патрулировал вместе со мной окрестности различных объектов, рассказывать о которых подробнее мне не позволяет служебный долг. Однажды Беня исхитрился даже достичь Торонто, перенесся по дороге непродолжительный обморок, вызванный спазмом двигателя. Правда, в Монреаль он сгонял с удовольствием, поскольку всегда симпатизировал французскому шарму, да и сам не был его лишен.

Познакомились мы с Беней так. На своем чудовищном английском я объяснял выходцу из Гватемалы, почему мне не хочется покупать у него за тысячу долларов битую ржавую «Мазду». Мимо походкой человека со статусом "landed immigrant" шла очень загорелая женщина.

– Не берите эту дрянь! – сказала она по-русски. – Я продам вам машину, которая в сто раз лучше и в три раза дешевле.

– Почему дрянь? – с невесть откуда появившимся грузинским акцентом обиделся гватемалец. (Маленькая сценка, наглядно иллюстрирующая всемирное влияние покойного СССР).

Загорелая женщина объяснила ему по-испански. Судя по реакции немедленно ретировавшегося конкурента, объяснение было очень убедительным. Мы перешли улицу и я увидел Беню...

Каждому взрослому человеку знакомо это ощущение – ощущение неизбежности, соприкосновения с роком. Всеми внутренностями, расположенными главным образом в брюшной полости, я почувствовал, что нам теперь друг от друга никуда не деться. Формальности заняли пять минут...

– Почему он пятнистый? – спросила жена, когда я пригнал Беню домой.

– Видишь ли, – начал рассказывать я, – здесь зимой посыпают дороги солью. Она вызывает укоренную коррозию металла. Бывший владелец боролся с ржавчиной, пытался ее закрашивать, но подобрать краску в тон довольно трудно...

– Очень пятнистый! – резюмировала жена, при этом ее лицо радости не выражало.

Попав в новую семью, Беня первое время хворал. Чтобы не огорчать соседей по гаражу, я ежедневно вытирал тряпьем вытекающие из-под него ручьи. Это напомнило мне ситуацию с нашим московским полупуделем Тимофеем, которого мы выбрали щенком на улице. У того тоже первое время случались всякие недержания, расстройства... Видимо, на нервной почве. Жена специально вставала пораньше, чтобы ликвидировать их следы. Она думала, что, обнаружив в коридоре лужу, я выкину несчастного пса на улицу. А я боялся, что выкинет она. В конце-концов, Тимофей стал полноправным членом нашей семьи. То же самое произошло и с Беней. А когда за кем-нибудь ухаживаешь, начинаешь его любить, привязываешься.

До сих пор я испытываю теплое чувство признательности к незнакомой загорелой женщине, с такой легкостью одарившей нас фундаментальнейшим свойством североамериканцев

– способностью к быстрым перемещениям. Мы стали другими людьми. Нас больше не пугают расстояния. Вот, например, звонит приятельница из Нью-Йорка:

– Когда приедете?

– Скоро, – отвечаем мы, не моргнув глазом. – Вот Беню обновим и приедем.

Да, к сожалению, ничто не вечно. Беня устал. Нет, не сломался, а именно устал. Еще бы – полтора года непрерывной работы без праздников и выходных! На скоростном шоссе за нами стала выстраиваться длинная очередь автомобилей, и некоторые из них, несмотря на всю их канадскую вежливость, начинали даже нетерпеливо гудеть. Из одряхлевшего Бениного чрева раздавались какие-то хрипы и скрипы, одна за другой отмирали уже ставшие привычными вспомогательные функции. Качество сервиса падало на глазах.

И тогда, купив авто пошустрее, одним не по-канадски сумрачным утром я собрался отогнать старика на свалку. Он, конечно, почувствовал недоброе и нарочно выпустил воздух из задней шины. Точно так же делал наш московский полупудель Тимофей, чтобы избежать неприятной для него процедуры одевания осеннего комбинезона. Он ложился на живот. Гулять он, как все собаки, любил, но налегке. А грязища там была такая, что без комбинезона – никак. Приходилось прибегать к авторитарным методам. Бенины хитрости тоже не помогли. Я прикрутил запаску, и мы отправились в последний путь. Грустно. Даже чек на 50 долларов, полученный от владельца свалки, не смог смягчить боль разлуки.

– Прощай, Беня! Прощай, наш первый канадский автомобиль! Память о тебе вечно будет жить в наших благодарных сердцах!

– Чувствуешь? Совсем другое дело! – сказал я жене, перестроившись в левый ряд скоростной магистрали. – Новый Беня – отнюдь не промах.

– А почему, собственно, опять Беня? Давай назовем его как-нибудь иначе. Боря, например...

– Ни за что! Никаких Борей! В Москве он был Беня – ушастый «Запорожец», здесь – сначала Беня «Chevrolet», теперь вот Беня «Pontiac»... Понимаешь, "он как душа, неистребим и вечен", – переврал я пушкинскую строку. – Если мы не хотим иметь на дороге неприятности, то должны искренне уважать его индивидуальность и достоинство. А всякая личность имеет право на человеческое имя!... Давай-ка, Беня, бери правее, нам здесь сворачивать.

– А что это за стук, когда ты тормозишь? – спросила жена.

– Nobody is perfect, – задумчиво ответил я.

1993.

Одиссея Моисея

Говорят, что собаки привязываются к хозяевам, а кошки – к дому. Может быть, это и верно, но только отчасти.

У Резниковых в Ташкенте был собственный дом, построенный еще их дедом – Моисеем Соломоновичем, метранпажем Дома печати. После того, как Узбекистан стал независимым государством, над городами и аулами которого все чаще реял зеленый флаг ислама, семья лишилась будущего, и поэтому у Риты и Михаила не было детей. Все свое нерастраченное чадолюбие они обратили на подаренный друзьями пушистый комочек с когтями. Котенка назвали в честь деда Моисеем. Он довольно быстро превратился в крупное и гордое животное, но любим был еще нежнее и крепче. В результате имя кота, напротив, уменьшилось до краткого семейного прозвища Мося.

Вечером того же дня, когда из Канадского посольства пришел пакет с разрешением на постоянное жительство, к Резниковым заглянул участковый Карим и доверительно сообщил, что уезжать нужно как можно скорее, лучше сегодня же ночью, потому что о пакете стало известно кому не надо и завтра может быть уже поздно...

– А как же Мося? – первым делом встревожилась Рита.

Миша дождался, когда Карим выпьет лафетничек домашнего первача, закусит фаршированной рыбкой и уйдет, и только после этого ответил:

– Быстро собирайся, а я отнесу Мосю Нине, она ведь тоже скоро уезжает.

На выразительную морду кота упала тень скорби. Он, конечно, все понял.

Резниковы эвакуировались вовремя. Почтальон сказал Нине:

– Ждешь письмо из посольства Канады? Жди-жди...

Нина догадалась, что ждать нечего и что лучше перебраться к дяде в Москву. Моисей явно был того же мнения. Первое время он ежедневно ходил к родному дому и подолгу задумчиво сидел на крыльце. Он даже пытался отогнать страшным шипением участкового Карима, когда тот пришел опечатывать дверь. Но когда Карим заявился как-то поздним вечером в штатском и с инструментами, Моисей понял, что все кончено и сопротивление бесполезно.

У московского дяди была однокомнатная квартира в Бирюлево и худая, постоянно курившая папирасы жена. Моисей, полуживой от перелета в холодной самодельной клетке среди дурно пахнувших чемоданов, сразу понял, что здесь они не задержатся.

– Про Канаду забудь! – сказал Нине дядя. – Теперь тебе один путь: на историческую родину. Если бы еще подфартило с очередным путчем...

Дядя как в воду смотрел: на третью неделю их жизни между газовой плитой и постоянно ворчащим холодильником Ельцин рассердился и продырявил из настоящих танков красивый фасад Белого дома. В те же минуты счастливая Нина уже мчалась на такси на Большую Ордынку – в Израильское посольство. Многомесячная процедура сжалась до нескольких минут. Так Моисей вновь оказался в ненавистой самодельной клетке с торчащими изнутри гвоздями.

В Израиле Моисею не понравилось. Сидеть сутками в тесном гостиничном номере, пока Нина изучала в ульпане иврит, а потом убиралась в домах богатых сабр, было невыносимо скучно. Когда же Нина сняла на паях с матерью-одиночкой квартирку на первом этаже и Моисею разрешили, наконец, выходить на улицу, лучше не стало. Во-первых, все окружающее пространство было плотно заселено совершенно невоспитанными дикими котами, объединенными к тому же во враждующие между собой банды. Стычки происходили за право кормиться

на той или иной помойке. Гордому, независимому Моисею была отвратительна сама мысль о карьере уличного бандита, особенно о ее начальном этапе – роли презираемой всеми шестерки. Лишиться глаза или уха тоже не хотелось. Во-вторых, оставаться в квартире с ползающим всюду глупым чужим ребенком было еще противнее. Моисей предпочел уходить за город на выжженные солнцем холмы и там, прячась в тени оливковых деревьев, охотиться на местных грызунов с хвостами в виде кисточек и похожими на пейсы ушами. Он стал сухим, жилистым и очень сильным.

А Нине второй раз в жизни крупно повезло: она выиграла в лотерею американскую green card.

– Ну, что, Мося, – сказала она коту. – Хочешь перебраться поближе к своим бывшим хозяевам?

Маленькое сердце Моисея радостно забилося. Он почувствовал, что судьба готовит ему необыкновенный подарок.

Третий в жизни кота перелет, хотя и был продолжительнее двух предыдущих вместе взятых, значительно превосходил их по комфорту. Нина не поскупилась на дорогую удобную клетку, обитую изнутри и снаружи мягкой ковровой тканью. Кроме того, приятно пахнущая стюардесса разрешила поставить клетку в пассажирском салоне, а не в холодном и шумном багажном отделении. Несколько раз Нина навещала Моисея, брала его на руки и рассказывала о ходе полета – что внизу и сколько осталось до Нью-Йорка.

Поселились, естественно, на Брайтоне. Моисей полюбил гулять с Ниной по широкому дощатому настилу, тянущемуся вдоль океанского пляжа. Он гордился, что все попадавшие навстречу собаки были на поводках, и только он один шагал рядом с хозяйкой свободно, как человек.

Несколько раз они говорили с Ритой и Мишей по телефону. Те рассказывали, как соскучились по Моисею, и звали Нину в гости в Торонто. Сами же они пока в Нью-Йорк приехать не могли из-за какого-то Давида. А Нина не могла прервать работу в салоне и водительские курсы.

– Вот получу права, куплю машину и приеду, – обещала она.

Наконец, час счастливого путешествия пробил. Хотя клетка была поставлена на заднем сидении длинноногого «форда», ее дверцу Нина не заперла, и Моисей мог свободно путешествовать по салону. Он выбрал место рядом с водительским, а чтобы лучше видеть проплывающие за окном виды, забрался на верхушку его бархатной спинки.

Нина поехала более длинным, но и более живописным путем через Ниагарский водопад. При подъезде к нему на 90-м хайвее она, раскрасневшись от собственной лихости, впервые в жизни развила скорость 70 миль в час и при этом счастливо избежала штрафа.

Водопад шумел, как самолет, но никуда не улетал. Моисей бросил беглый взгляд на бессмысленное буйство воды и отвернулся. Нормальному коту делать здесь было явно нечего.

В Торонто въехали глубокой ночью. Нина долго шуршала картой, пытаясь сориентироваться. В конце концов «форд» устало причалил к бунгалу, чем-то похожему на брошенный в Ташкенте дом. В окнах подвала горел свет.

– Нина! Мося! Наконец-то!

Знакомые до боли голоса заполнили все существо Моисея. Он вдруг ощутил себя в крепких объятиях Михаила. Подоспевшая Рита наклонилась над котом и крепко поцеловала его в усатую морду.

– Боже! Какое счастье! Наконец-то мы вместе! – запричитала она. – Надо показать ему Давида.

Кота внесли в дом и опустили на диван рядом с автомобильной колыбелью, в которой что-то посапывало. Моисей осторожно приблизился и понюхал. Младенец пах одновременно

Ритой, Михаилом и чем-то полузабытым, из тех далеких дней, когда Моисей был котенком.
Он потянулся и лизнул малыша в нос.

"Вот я и снова дома," – подумал кот.

1994.

Уникум

Всю жизнь Игорь (имя изменено) стремился к совершенству и, надо признать, не единожды его достигал. Правда, довольно необычным образом.

Еще в утробе матери Природа наделила его могучим талантом художника, однако по дороге в этот мир он получил родовую травму, медицинское название которой – асфиксия (отсутствие дыхания при наличии сердцебиений). И хотя реанимация новорожденного прошла успешно, в его мозгу что-то сдвинулось. Результаты этого сдвига проявились не сразу, но в конце концов дали о себе знать, причем весьма своеобразно.

Впервые попав в пионерский лагерь, Игорек чурался всего коллективного, вроде футбола или волейбола, а сидел в библиотеке и сам с собой играл в шахматы. Но не так, как все. Он строил шахматные башни – фантастически неустойчивые сооружения из шахматных фигур, в основании которых была всего одна (!) пешка. Достигнув в этом занятии совершенства, он начал заключать пари – на рубль или на три, обещанные любому, кто сможет повторить. Пробовали многие, но не смог никто. Игорек обогатился и курил только дорогие сигареты «Тройка», покупка которых сопровождалась перелезанием через два забора – лагерного и соседнего дома творчества писателей.

Однажды (дело происходило уже в городе) школьные хулиганы исцарапали классную доску неприличными надписями. Директор распорядился ее заменить. Пришли люди в ватниках, начали крушить и стучать. Игорь поднял кусок только что оторванного от стены линолеума и долго его разглядывал. Потом положил в портфель и отнес домой. Дома он взял из отцовского набора инструментов самую маленькую отвертку, заточил ее наискосок и заперся на балконе. Бабушка несколько раз заглядывала в окно, видела склонившуюся над чем-то голову внука и, радуясь его непонятному усердию, отходила.

Часа через два Игорь открыл дверь, аккуратно подмел какие-то крошки и стал нарезать ножницами листочки бумаги.

Пора развеять туман: рукастый мальчонка сфабриковал из линолеума им же изготовленным резцом печать детской поликлиники, наштамповал справок и, размашисто срисовывая медицинские каракули, начал «законным» образом отпускать с уроков себя самого, друзей и девочек, которым симпатизировал. Его фальшивки практически ничем не отличались от настоящих. Так продолжалось несколько месяцев. Потом Игорь внезапно закрыл «фирму», ничего не объясняя друзьям. Может быть, он вовремя почувствовал опасность разоблачения. Во всяком случае, пойман не был.

Не стала достоянием гласности и другая его школьная проделка. Вернее, не проделка, а по крайней мере трехлетняя практика параллельного ведения двух дневников: одного с двойками и замечаниями – для учителей, другого, благодного с «четверками» и «пятерками», – для родителей. Не трудно догадаться, что это сопровождалось подделкой подписей тех и других. В семье царил тишь и благодать, но когда пришла пора получать аттестат зрелости, родители были несколько шокированы неожиданным обилием в нем "троек".

Естественно, что в институт наш троечник не попал, а угодил в армию. Там он почти сразу стал «художником», то есть человеком, который не роет окопы и не ходит в наряды на кухню, а сидит в "ленинской комнате" и рисует всякие плакаты. Сослуживцы «сачком» его не считали и не обижались, потому что он мог выписать даже самому последнему разгильдяю увольнительную записку. Совсем, как настоящую, то есть с печатью и подписью командира взвода.

Взводную печать он не вырезал, а поступил проще. Вызвав по телефону лейтенанта на проходную голосом комбата ("А ну-ка, пулей!"), он юркнул в его незапертый кабинет, схватил из незапертого сейфа печать и в одну секунду сделал ее слепок на пластине. Потом купил

в магазине медицинских принадлежностей состав для изготовления зубных протезов и отлил из него дубликат печати.

Был он тогда еще «салагой», то есть молодым солдатом, но едва став «стариком», опасное занятие свернул и фальшивую печать утопил в сортире, оставив лишь для себя лично небольшой запас бланков. Может быть, поэтому разоблачен не был.

Ни разу не был он пойман и "на гражданке", где время от времени фабриковал всякие необходимые для жизни справки и выписки. Таким образом он устраивался на хорошую работу, дважды улучшал жилищные условия и... ходил с супругой на недоступные прочим театральные премьеры.

Не следует думать, что "художественное творчество" Игоря всегда носило корыстный характер. Вовсе нет. Однажды он подобрал на улице мраморную плиту и два дня без устали долбил ее на кухне. Сосед, заинтригованный непрекращающимися таинственными звуками из Игоревой квартиры, не выдержал и поинтересовался: "Ты что, в чеканщики подался?". Игорь смолчал, а вскоре на стене одной из соседних пятиэтажек неведомо откуда появилась мемориальная доска с узнаваемым многими профилем. Мрамор, бронзовые винты по углам, идеально ровные буквы и совершенный в отношении художественного исполнения барельеф безукоризненно воспроизводили скульптурный жанр мемориальной доски. Вот только текст... Он гласил: "В этом доме жил и продолжает жить алкаш Коля". Это был подарок Игоря другу на его день рождения. Доска провисела несколько месяцев, потому что даже официальные лица не чувствовали себя вправе совершить акт вандализма и подвергнуть шедевр уничтожению.

Последняя художественная работа Игоря на родине – собственное свидетельство о рождении с короткой записью «еврей». Этих пяти букв хватило, чтобы совершенно «законным» образом оказаться за океаном, в далекой Канаде.

Я познакомился с ним несколько лет назад в Ванкувере во время короткого четырехдневного посещения этого удивительно красивого города. Соотечественники рекомендовали мне Игоря как человека, который может «изобразить» справку российского Госстраха о пятилетней безаварийной езде. Думаю, что объяснять, зачем такая справка может понадобиться, нет необходимости. Рукастый умелец из России работал тогда на строительстве гостиничного комплекса в знаменитом горнолыжном курорте Британской Колумбии. Был он простым подручным каменщика, но порой ему доверяли самостоятельную работу. В результате на Тихоокеанском побережье Канады появился уникальный архитектурный шедевр.

Представьте себе торцевую стену здания, сложенную из каменных блоков, примерно втрое превышающих размеры стандартного кирпича. Стена в целом, как здесь водится, идеально ровная. Правда, наружная часть блоков представляет собой нарочито неровный скол. Одни камни чуть-чуть более выпуклы, другие – напротив, поплосче. Так вот, Игорь умудрился путем тщательного подбора камней написать во всю стену хорошо знакомое нам слово из трех букв. Обычно оно невидимо, но в краткий предзакатный момент, когда солнечные лучи параллельны плоскости стены, выложенная чуть более выпуклыми камнями надпись как бы вспыхивает розовым огнем. Это потрясает. Я умудрился сфотографировать необычную стену. Если разыщу снимок, который завалился где-то в кучах других, постараюсь сопроводить им этот текст. Будет жаль, если он потерялся безвозвратно. Правда, по понятным причинам нет никакой гарантии, что издательство решится его опубликовать.

Знают об уникальной стене лишь некоторые наши соотечественники. Канадскому глазу краткая, почти мгновенная игра лучей заходящего солнца ничего не говорит.

Где ты сейчас, бескорыстный творец уникальных шедевров? Чем еще можешь нас удивить? Отзовись! Мой E-mail: alexander.borodin@yahoo.com.

1994.

Стихи о канадском паспорте

– Сэр! Сэр!..

Алексей оглянулся. Худой громила в кепке и ватнике протискивался за ними с Аленкой через толпу Птичьего рынка, манил пальцем и повторял, как заведенный:

– Сэр! Сэр!..

– Вы меня? – спросил Алексей.

– Так ты русский... Ну, это даже лучше... Мужик! Ты не представляешь, как тебе повезло!

Громила приблизился, и стал слышен кислый запах его похмельного дыхания. Он снял кепку, чтобы вытереть пот со лба, – под кепкой светилась стриженная "под ноль" прыщеватая голова.

– Мужик! Я тебе сейчас такое покажу – обалдеешь. Не пугайся моей карточки, я вправду только освободился, но это к делу не относится. Давай отойдем в сторонку.

– Это еще зачем? – насторожился Алексей.

– Боишься? Ладно, смотри так!

Громила одной рукой оттянул от себя полу ватника, а другой вытащил из внутреннего кармана маленькую темно-синюю книжечку и грязным большим пальцем отогнул обложку. Среди мельтешения иностранных букв была запрессована в прозрачный пластик цветная фотография... самого Алексея!

– Понимаешь, нашел бумажник с канадским паспортом, – при слове «нашел» глаза громилы вспыхнули нечеловеческой честностью. – Вижу: хозяин идет. Хотел вернуть, а ты оказался двойником этого лоха-канадца. Услышал бы от других – ни за что бы не поверил, что такое бывает! Покупай, второго такого случая в жизни не будет.

– Па-а-ап! Пойдем! – потянула за рукав Аленка.

– Сейчас, дочка. Сейчас пойдем... Ну, предположим, я куплю, а зачем мне чужой иностранный паспорт?

– Ты что, не понимаешь?! Весь мир будет твой – вот зачем!

– И за сколько?

– Рублей двести, не меньше.

– Таких денег у меня нет. Это же месячная зарплата!

– Займи.

– Нет-нет. Не надо.

– Хорошо подумал?

– Не надо.

– Ну, и дурак! Потом жалеть будешь... – явно расстроенный громила отвернулся и, не оглядываясь, стал пробираться в сторону выхода. Кто-то включил на полную громкость магнитофон:

*Птичий рынок, он и лает и поет
Птичий рынок, покупает, продает
Попугаи, черепахи, пуделя
Птичий рынок разлюбезная земля.*

*Птицы в клетке, звери в клетке, а на воле – воронье.
Это плач по малолетке, это прошлое мое.
Мы кормили в малолетке за решеткой воробья...
Небо в клетку – родословная моя...*

Прошло два года.

По случаю отъезда Алексея на ПМЖ в Израиль коллеги устроили на работе целый банкет.

– Старик! Ты прав! – сказал полупьяный шеф. – Союз рухнул, делать тут нечего. Хочешь, откровенно? Половина из нас, если не больше, с удовольствием бы отсюда смотались. Тебе хорошо, у тебя жена – ракетоноситель. А нам как быть, с нашей родословной? Ну-ка, скажи что-нибудь на идише!

Смущенный Алексей встал со стаканом в руке.

– Спасибо вам, друзья! Я очень тронут таким вашим отношением... Иврит мы с Ритой пока только начали учить. Но я уже попробовал написать на нем стихотворение: *Анахну лосим ксилут, зе ло нахон лагур* нам тут...

Никто ничего не понял, но все восторженно захлопали.

Прошел еще год.

Алексей обегал все иммигрантские конторы Тель-Авива, но никто не мог гарантировать ему американскую green-card или канадский landed status.

– У тебя прекрасное гражданство, – поучал его один из «консультантов», – ты можешь совершить путешествие в любую страну мира, кроме некоторых арабских, конечно. Но чтобы жить и, главное, работать за границей, этого недостаточно. Нужны деньги. Много денег.

– Сколько?

– Минимум – тысяч сто.

– Шекелей?

– Долларов!

– Таких денег у меня нет, – сказал Алексей и осекся. Он вспомнил, что однажды уже произносил эту фразу... – Господи! Какой я был дурак!

– Да, эмиграция, как развод: остаешься без квартиры и нет никакой гарантии, что второй брак будет удачнее, – по-своему понял "консультант".

В Канаду по настоянию Риты они все-таки приехали. Следуя примеру предшественников, подали на беженство. Узнали, что такое welfare и food bank. Алексей похудел на 12 килограммов. Несмотря на то, что адвокатша на слушании их дела в совете по беженцам все время ободряюще скалила им свои лошадиные зубы, через полгода пришел отказ. Все накопленное в России и Израиле пришлось отдать другому адвокату, который, напротив, никогда не улыбался. В продлении разрешения на работу им было отказано. Рита нашла в комнате у Аленки марихуану. Скандал получился страшный. Алексей не выдержал, выпил целую бутылку виски, распустил руки. Рита позвонила в полицию. Алексея в наручниках увезли.

Когда его отпустили, он решил не возвращаться к «истеричке-жене» и предавшей его дочери. Стал снимать на двоих с интеллигентным ленинградцем комнату в подвале и работать по ночам «по-черному», то есть за наличные. Когда скопил необходимую сумму, отдал ее переправщику. Тот посадил его в свою машину, повез на юг, перед границей с Америкой свернул на проселок и попросил Алексея перебраться в багажник. На таможне переправщика пригласили в офис и долго там о чем-то расспрашивали. Алексей чуть не задохнулся в раскалившемся на летнем солнце багажнике. Когда багажник наконец открыли, он был даже благодарен уже знакомым наручникам...

– Я бы мог оттягивать вашу депортацию годами, если бы у Алексея было все чисто с полицией. Но теперь, с его криминальным досье, вам нужно поискать кого-нибудь другого. Я в таких делах не специалист, – сказал в первый раз на их памяти улыбнувшийся адвокат.

Когда их привезли в аэропорт и посадили в самолет, Рита неожиданно сказала:

– Мы столько вместе пережили, что я теперь тебя никому не отдам!

И после этих слов судьба перестала их мучить. Депортацию отложили. Потом им посоветовали какую-то только что введенную иммиграционную программу, и по ней они сравнительно дешево получили landed status. А потом как-то незаметно подоспело и гражданство. Алексей поспешил заказать паспорт, чтобы после стольких лет разлуки навестить, наконец, своих престарелых родителей в Москве.

Паспорт пришел по почте. Только что вернувшийся с работы в гараже Алексей разорвал конверт и грязным большим пальцем отогнул обложку. Среди мельтешения английских букв была запрессована в прозрачный пластик цветная фотография его исполосанного недавними морщинами лица под редким ежиком ранней седины. Он бросил паспорт на тумбочку с ожидающими оплаты счетами и продекламирровал:

*Достаю из рабочих штанин
Темно-синюю ксиву Канады.
Да, теперь я ее гражданин,
Но завидовать только не надо.*

1995.

Шок

Стас не был ни бабником, ни пьяницей, ни лгуном, но называть его порядочным человеком язык как-то не поворачивался. Одна, но пламенная страсть сжигала душу этого 33-летнего рыжеволосого красавца – любовь к автомобилям. Увлечение очередной «тачкой» захватывало все его существо, он совершенно терял голову и готов был на любые безумства, лишь бы как можно скорее предаться счастью обладания. Женщин, разумеется, это злило, и за легкомысленной спиной Стаса громоздились развалины двух непродолжительных супружеств и десятка полтора еще более кратковременных романов.

Важно сказать, что Стасовы страсти находились в кричащем противоречии не только с финансовыми возможностями, но и с некоторыми особенностями его нервной системы.

Известен забавный тест на пригодность человека к управлению автомобилем. Испытуемого ставят невдалеке от глубокой ямы с битым стеклом на дне, завязывают глаза и просят сделать несколько шагов в направлении края. Остановиться следует как можно ближе к опасной черте. Большинство людей движутся осторожно и замирают метрах в полутора-двух от ямы. Таким водить машину не возбраняется. Некоторые столь боязливы и нерешительны, что не могут сделать больше одного-двух шажков. Им лучше за руль не садиться. И, наконец, есть уникалы, которые летят сломя голову прямо на битое стекло. Их, конечно, ловят, но шоферское ремесло таким категорически противопоказано.

Стас прыгнул бы в яму, даже не дожидаясь, когда ему завяжут глаза!

Самое удивительное, что пережитые аварии не делали Стаса осторожнее. Поневоле закрадывалось подозрение, что такая страсть представляет собой редкую форму мазохизма и что визг тормозов, лязг металла, звон разбитого стекла, стоны и кровь на асфальте – причудливые атрибуты его извращенных экстазов. Впрочем, вопрос остается открытым, поскольку на приеме у психиатра Стас никогда не был.

В Канаде он оказался в качестве беженца из криминальной Москвы. Не секрет, что большинство беженских историй представляют собой сочинения на заданную тему. Те, кто отнеслись к этому испытанию серьезно и постарались выполнить все необходимые требования, получают положительную оценку – статус постоянного жителя страны.

Стас был настоящим беженцем! В ходе процедуры слушания его истории из рук в руки переходило подлинное письмо с многократно повторенной бандитской угрозой "замочить гада". Как следовало из адреса на конверте и из обращения в начале письма, «гадом», несомненно, был именно Стас. «Welcome» он получил прямо на слушании.

Откровенно говоря, на месте автора письма я бы сам с удовольствием Стаса «замочил». Дело в том, что он умудрился превратить в груды металлолома чужой 600-й «Мерседес», но, в отличие от несчастной принцессы Дианы, отделался только трещиной левого предплечья и двумя сломанными ребрами. Травмы не помешали ему скрыться с места аварии, а затем успешно прятаться от разъяренного хозяина дорогой иномарки. Когда же тот все-таки вышел на след «терминатора» чужой собственности, загипсованный псевдо турист уже парил над Атлантикой в лайнере "Аэрофлота".

Обретя под ногами твердую канадскую почву, вернее – асфальт Торонто, Стас немедленно влюбился. Причем сразу в двух: в спортивную японскую «тачку» и 19-летнюю русскоговорящую израильтянку. Обе обладали норовистой прытью и близким к совершенству дизайном корпуса. Даже имена были чем-то схожи – «Хонда» и Хана.

Торонто – не Москва, здесь дурных денег не огребешь. Стас, как заведенный, кидал по ночам тесто в пекарне, а днем стриг газоны. Все, естественно за наличные. Плюс велфер. Плюс

привезенная из Москвы тысяча американских. У него появились черные мешки под глазами, но зато уже к лету он накопил на возжеленную "Хонду".

– Правда, красавица? – сказал он Хане, лихо выруливая с гаражной стоянки.

Девушка положила руку ему на шею. Рука была мягкая, слегка влажная и дрожала.

– Дай я! – хрипло прошептала она и сунула ему под нос белую пластиковую карточку со своей фотографией и непонятными ивритскими закорючками.

Они завозились, на ходу меняясь местами. Платье у Ханы было такое тонкое...

– Ко мне быстрее по 401-му хайвею, – сказала Хана и, не спрашивая разрешения, помчалась под указатель с королевской короной. Въезд на скоростную автомагистраль представлял собой крутой крендель. Чересчур быстро мчавшуюся «Хонду» выбросило на оградительный барьер, она громко проскрежетала днищем по бетону и, кувыркаясь, полетела на изрытый сурковыми норами пустырь.

...Когда пожарники осторожно перевернули наполовину сплюсненную машину, их глазам предстала странная картина: два обнявшихся окровавленных человека внутри хохотали, как сумасшедшие.

1998.

Индийское лето

*Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...*

Ф. И. Тютчев.

Вадим Анатольевич всю жизнь был жутким бабником. Возня с бабами требовала отдачи всего себя, поэтому карьеры он не сделал и, несмотря на природную даровитость, оставался простым техником по установке телевизионных антенн. Разъездным, разумеется... Его супруга Ирина Васильевна, напротив, работала с утра до вечера и дослужилась до заместителя главного редактора городской газеты. Жили они дружно. Большое сердце Вадима Анатольевича вмещало в том числе и трепетную любовь к жене. Та никаким злобным слухам о похождениях мужа не верила, потому что была слишком занята, а кроме того, слухов этих витало неправдоподобно много. Впрочем и они полностью увлечений Вадима Анатольевича не отражали. Вернее всего было бы сказать, что он перелюбил весь город. Только внебрачных детей у него развелось больше двух десятков. Правда, называть их внебрачными не совсем правильно. Почти все они были рождены молодыми замужними женщинами, мужья которых искренне считали детей своими.

Был у них и свой ребенок – дочка Елена, породистая в отца и серьезная в мать. Она вняла уверениям Вадима Анатольевича о том, что "за электроникой – будущее", уехала в Москву, поступила на факультет вычислительной математики и кибернетики МГУ, блистательно его окончила, стала программисткой и вышла замуж за коллегу – тоже программиста. Вскоре они перебрались в Канаду, где стали очень неплохо зарабатывать и уже через три года купили дом на севере Торонто.

Между тем дела в их родном уральском городе шли все хуже и хуже. Огромный механический завод, бывший на самом деле оружейным, который кормил полгорода в советские времена, остановился и заржавел. Зачахли и другие оборонные предприятия. В городской газете начались перебои с зарплатой. Антенное хозяйство тоже претерпело изменения и раздробилось на мелкие кабельные фирмы. Лена, конечно, помогала денежными переводами, но жизнь подталкивала к естественному в сложившейся ситуации решению. Короче, Вадим Анатольевич и Ирина Васильевна со слезами на глазах стали оформляться в Канаду под спонсорство дочери. Тянули до последнего, но в мае, продав за бесценок квартиру, все-таки улетели.

О, Канада! Девушки с голыми животами и стриптиз-бары! Нудистский пляж на берегу озера Онтарио! Видеосалоны для взрослых! Но при всем при этом, к удивлению Вадима Анатольевича, оказалось, что здесь не очень-то и покобелируешь. Уральские приемчики не работали. Стерильные канадки их не понимали, и, как он догадался, не только из-за его чудовищного английского. А все новые русскоговорящие знакомые были уже немолоды и являли собой нерушимые супружеские монолиты.

Могучий ядерный реактор любвеобилия, которым природа наградила Вадима Анатольевича, начал перегреваться без привычной нагрузки и достиг бы взрывоопасной кондиции, если бы не Ирина Васильевна...

Сначала, однако, несколько бытовых деталей. Несмотря на чудовищные с точки зрения вновь прибывших размеры дочкиного дома, она сняла для родителей небольшую, но очень чистенькую и уютную квартиру неподалеку. Супруги все время были вместе – и дома, и в школе

для иммигрантов, и во время исследовательских прогулок по окрестностям. Новый сверкающий мир, новые впечатления, отсутствие гнетущей заботы о хлебе насущном – все это способствовало непреходящему хорошему настроению. Плюс уже упомянутый ядерный реактор...

Ирина Васильевна буквально купалась в любви. Она расцвела, похорошела и все время улыбалась.

Наступила осень. Начало октября выдалось просто сказочное. В России это время называют "бабьим летом", а в Канаде – тоже «летом», но уже "индейским".

Тренировочные полеты бесчисленных гусиных косяков, буйство огненных красок опадающей листвы, неправдоподобно голубое небо.

Это была самая лучшая осень за все тридцать шесть лет их совместной супружеской жизни. Мощно и ровно гудел ядерный реактор. Вадим Анатольевич даже начал писать стихи, и одно из них было напечатано в русской газете с набранным курсивом кратким посвящением: "*Моей Ирине*". Там были такие строки:

*Да, многих я знавал,
Но ты их всех затмила...*

Простодушная Ирина Васильевна ничего не поняла и подумала, что это литературная гипербола, введенная в текст для придания ему большей художественной выразительности.

И все-таки годы взяли свое. Лихая безостановочная работа реактора привела к аварии. У Вадима Анатольевича случился инфаркт. Ирина Васильевна ни днем, не ночью не отходила от постели больного. Вскоре опасность миновала.

...Немолодая женщина-врач заглянула в палату русского иммигранта. У изголовья сидела жена, держала больного за руку и что-то с нежной улыбкой тихо ему рассказывала. Тот тоже улыбался и смотрел на жену влюбленными глазами. "Здесь, похоже, все в порядке", – подумала врач и почему-то вспомнила своего вечно озабоченного курсами акций и никогда не улыбающегося мужа.

1999.

Пинок удачи

Уверен, каждый не прочь цапнуть за хвост жар-птицу удачи. Небось, лотереями балуетесь. Только что вы знаете об истинном везении?!.

Инна познакомилась с Игорем на свадьбе своей подруги. Высокий красавец с внешностью итальянского актера будто шагнул на ресторанный паркет из ее девичьих снов. Она сразу положила на него глаз и ждала только одного: когда кончится застолье и начнутся танцы. "А теперь – белый танец!" – объявил в микрофон тамада, и оркестр заиграл танго. С бокалом в руке, слегка пошатываясь, Инна направилась к своему избраннику. Он беседовал сразу с двумя девушками. "Извините!" – сказала Инна и сделала реверанс. Горячие пальцы юноши коснулись ее локтя. Они танцевали, отхлебывая по очереди из бокала.

Игорь оказался сыном крупного дипломата и сам учился в блажном институте международных отношений. Ей стоило немалых усилий рассеять табун его поклонниц, оставаясь при этом всепрощающей и всепонимающей душкой. Непросто было охмурить и его родителей – чопорных корыстных снобов. В конце концов они подгадали со свадьбой к Игореву диплому. Он сразу получил работу в МИДе, и для заграникомандировок было важно состоять в браке.

Не прошло и двух лет, как они оказались в Замбии. И тут выяснилось, что жизнь за границей – вовсе не сахар. Крохотную посольскую колонию раздирали дрязги. Ничего было нельзя. Инна маялась от безделья в их шикарнейшей, отделанной деревом квартире и часто плакала. А Игорь пил. Не выходя из дома, он тихо напивался до совершенно скотского состояния, падал где попало, просыпался часа в четыре и ложился отмокать в ванну, чтобы к появлению на службе выглядеть свежим, как огурчик. Никто даже не догадывался, что молодой и такой представительный дипломат – хронический алкоголик. Но этого мало! Изредка он исчезал и пропадал неизвестно где целую ночь. Инна не знала, что и думать, ужасно волновалась, не могла спать, а он появлялся как ни в чем не бывало и молчал.

Отпуска они проводили в Союзе и врозь. "Что это у вас за семья такая?!" – возмущался отец Инны. "Не повезло тебе, доченька, с мужем", – причитала мать.

Неожиданно позвонили из министерской поликлиники. Официальный, неестественно вежливый голос попросил срочно – "сегодня же!" – прийти на прием. "Вынужден вас огорчить, – сказал врач. – У вашего мужа в крови обнаружена ВИЧ-инфекция. Мы должны немедленно проверить вас тоже". "Это что, СПИД?" – с ужасом спросила Инна. "Ну, вовсе не обязательно, – вяло успокоил врач. – СПИД развивается на заключительной стадии заболевания...". "На какой это заключительной?" – зарыдала Инна.

И все рухнуло.

Спокойнее, читатель. Спокойнее! Все описанное выше МОГЛО БЫ случиться с Инной, но не случилось, потому что на самом деле все произошло иначе. Вернемся к началу, к ресторанному торжеству по случаю свадьбы подруги.

... "А теперь – белый танец!" – объявил в микрофон тамада, и оркестр заиграл танго. С бокалом в руке, слегка пошатываясь, Инна направилась к своему избраннику. Он беседовал сразу с двумя девушками. "Извините!" – сказала Инна и сделала реверанс. Шампанское из бокала выплеснулось на брюки юноши. Инна глупо прыснула. Еще бы, мокрое пятно выглядело так, как будто его источник находился не снаружи, а внутри. "Фу!" – сказал молодой человек и удалился в сторону туалета. Инна метнулась было за ним, но разумно свернула в дверь с буквой «Ж». "Ну, почему? Почему я такая невезучая!?" – повторяла она со слезами, запершись в кабинке.

Эта фраза: "Почему я такая невезучая?" – стала рефреном ее жизни. А случай в ресторане вскоре забылся. Она так и не узнала, что красивого парня звали Игорем. И, уж конечно, по прошествии четырнадцати лет, когда Игорь умер, она ничего не узнала об этом тоже.

А за границей Инна все-таки оказалась. И не в какой-то там Замбии, а в преуспевающей Канаде. Провернул эмиграцию ее муж Миша, но он же стал жертвой своей инициативы.

"Какой я была идиоткой, что согласилась с тобой ехать!" – повторяла то и дело Инна. Второй столь же часто звучащей жалобой была уже знакомая нам фраза "Почему я такая невезучая?". Собственно, никаких оснований жаловаться у Инны не было. Жили они просто шикарно, у каждого была своя машина. Инна работала в ресторане и очень неплохо зарабатывала. А вот Миша никак не мог устроиться по своей довольно узкой научной специальности и развозил пиццу.

Инну терзал бес зависти. Как бы хорошо вы ни жили, всегда найдется рядом мерзавец, который живет еще лучше. По этой причине Миша панически боялся ходить с Инной в гости. Все визиты заканчивались, как правило, домашними скандалами и упреками. Инна плакала, кричала о своем невезении и снова упрекала мужа в том, что он мало зарабатывает. Зря кстати. Благородный труд пиццезова по уровню доходов стоит далеко не на последнем месте в Северной Америке, где мы с вами волей судеб оказались.

Еще древнегреческий философ Солон полагал, что милости или удары судьбы еще не составляют счастья или несчастья, а высокое положение или даже могущество считал маловажными случайностями. Удовлетворенность жизнью – природный дар, она не зависит от суетного быта. Ученые выяснили, что светлое или мрачное восприятие действительности происходит в результате доминирования того или иного полушария головного мозга. Тут как не напрягайся – ничего не изменишь. Генетическая лотерея!

Кстати о лотереи.

Инне страшно повезло. Она выиграла в 6/49 аж 163 тысячи долларов! Казалось бы, ух! А в итоге получилось вот что. Ушел Миша. Просто встал и ушел, оставив на тумбочке записку: "Теперь ни одна собака не сможет назвать меня подлецом". А дурные деньги разлетелись без толку, оставив после себя ворох экзотических проблем.

Вот вам и подарок судьбы!

1999.

Паразит

Лена пнула педаль тормоза, но туфелька соскользнула. Она пнула еще. Поздно! Машина с визгом остановилась, однако в заднее зеркало было отчетливо видно, что так неосторожно выскочивший на дорогу у самого выезда с магазинной стоянки неподвижно лежит на асфальте.

"Ну, откуда он тут взялся?! Ну, почему мне так не везет?!" – выкрикнула Лена и ударила ладошками по рулю. Потом вышла из машины и подошла к сбитому. Он лежал на спине и стонал. Полные ужаса глаза-бусины были широко открыты. Ни крови, ни видимых повреждений не было заметно.

Лена наклонилась и взяла на руки увесистое тельце. Это был молодой, но уже изрядно отъевшийся сурок. Жесткая на вид черно-коричневая шерсть оказалась удивительно мягкой на ощупь. Под правой ладонью отчетливо трепетало маленькое сердце.

"Шок, – сообразила Лена. – Если бы он попал под колесо, то все. А так, наверное, получил глушителем по своей шальной голове".

Она положила пострадавшего на сидение рядом с собой и поехала в ветеринарный госпиталь. Но не доехала... Сурок пришел в себя, соскользнул с сидения, оставив на его бархате небольшое мокрое пятно, и спрятался среди пластиковых сумок с продуктами. Первый раз за последние два месяца Лена улыбнулась.

...Развод совершенно выбил ее из колеи. Она продолжала ездить на работу, ее руки продолжали автоматически выполнять несложные однообразные операции, а перед глазами все время стояло такое чужое и недоброе Сережино лицо. Как он изменился! Неужели эта молодая дура так его себе подчинила? Неужели он не понимает, что нужен ей только для получения канадского статуса? Интересно, на какие шиши они будут жить, если оба не работают? На велфер с его запросами не проживешь...

Сзади послышался шорох и хруст. Лена быстро обернулась. Увиденное заставило ее улыбнуться еще раз: сурок распотрошил пакет с кукурузными хлопьями и уже вовсю кормился. Под Лениным взглядом он замер, хлопья забавно торчали из торопливо захлопнутого рта.

Она привычно въехала задним ходом на стоянку у дома и распахнула заднюю дверь машины. "Убежит – Бог с ним!" – подумала она и стала носить сумки в свой подвал. Вот уже все багажное пространство опустело, а сурок все сидел в углу машины и смотрел на нее своими широко раскрытыми бусинами.

– Ну, иди же! – сказала она.

Сурок, словно послушавшись, подошел к краю и опасливо свесил голову вниз. Лена заметила, что он припадает на правую лапку. "Может, все-таки перелом?" – забеспокоилась она и опять взяла его на руки. Зверек дрожал.

– Бедный! – сказала Лена.

Так они стали жить вместе. Утром Лена уезжала на работу, а Сидор – так был назван грызун в память о первом, еще питерском Ленином начальнике, отличавшимся редким баболобием, – а Сидор, значит, залезал на ее постель, забирался под одеяло и там дрых до вечера. Когда Лена возвращалась домой, он спешил проверить содержимое сумок. Если сумок не было, он недовольно свистел. Так он приучил Лену каждый вечер после работы заезжать в маленький круглосуточный магазинчик на углу и покупать что-нибудь вкусненькое – салатик, семечки, а то и орешки в шоколаде...

Когда на третий день их совместной жизни Лена, обеспокоенная непрекращающейся хромотой Сидора, все-таки свезла его в ветеринарную лечебницу, он поднял там страшный визг. Нисколько не удивившийся ветеринар пощупал больную лапку и сказал, что косточка цела и

все пальчики в порядке. Сидор, однако, продолжал хромать, поддерживая тем самым в Лениной душе неугасающее чувство вины.

Раньше к Лене иногда заходил в гости соседский кот Марс. Она угощала его чем-нибудь вкусненьким, потом они вместе смотрели телевизор. Однажды, уже после появления Сидора, Марс поскребся снаружи в дверь. Лена машинально открыла. И тут случилось странное: Сидор метнулся под кровать и оттуда... визгливо залаял. Ошарашенный Марс ретировался и больше в гости не ходил.

– Ты так всех моих друзей распугаешь, – сказала Лена грызуну.

Насчет «друзей» Лена немного преувеличила. До развода у них дома бывали главным образом друзья Сергея. Они пили пиво и разговаривали о женщинах. Лена среди них чувствовала себя неловко. А после развода изредка заходила одна Наташка. Общего у них было мало, разве только воспоминания о городе на Неве. Сидора Наташка не любила.

– Одного паразита выгнала – другого завела, – обычно говорила она. – От него одна грязь. Гадит куда попало. Выкинь ты его к черту.

– Никого я не выгоняла, он сам ушел. Ты же знаешь! А перед Сидором я виновата, лапку ему покалечила. Потом все-таки живое существо в доме, не так одиноко.

– Это он при тебе нарочно хромает, чтобы жалости нагнать. Притвора!

– Ну, что ты такое говоришь! Он же сурок...

Однажды, вернувшись с работы, она услышала какое-то необычное повизгивание. Сидор не прихромал ей навстречу, чтобы, как всегда, проинспектировать содержимое сумок. На кровати происходило подозрительное шевеление. Лена подошла и откинула одеяло. То, что она увидела, не лезло ни в какие ворота.

– Ну, ты, Сидор, и паразит! Надо же, бабу привел! Все вы, мужичье, одинаковые: что тот – кобель, что этот!

Гостья вихрем выкатилась за дверь. А Сидор остался и, как ни в чем не бывало, пошел проверять сумки.

– И вправду – паразит! – выругалась в сердцах Лена.

В начале сентября она познакомилась с Мишей. Он пришел чинить телевизор. Неисправность оказалась простой: Сидор перегрыз провод. Миша стал отодвигать мебель и проверять другие провода. Почти все оказались попорчены домашним вредителем.

– А ты его еще орешками в шоколаде кормишь! – укоризненно сказал Миша. – Отпусти зверя. У тебя он пропадет – или током его убьет, или всех газом потравит.

Интонации Мишиного голоса ее завораживали. Все в нем было ей по душе. И как-то очень быстро и непринужденно они сошлись. Им было так хорошо вместе, что Миша не уставал повторять:

– И где ты только раньше пропадала!

– Сидора воспитывала, – отвечала она.

– Давай отвезем его туда, откуда ты его взяла. У него там, наверное, нора. И жиру у него для зимовки более чем достаточно.

Лена долго не соглашалась, но наблюдать, как Миша ползает на корточках по комнате и собирает сурочки какашки, ей тоже не хотелось.

Смеркалось. Они выпустили Сидора на нестриженном пустыре позади того же самого магазина. Сурок понюхал траву, подошел к Лене, встал столбиком и обнял ее за ногу.

– Сволочь, – растроганно прошептала она.

Миша по-мужски крепко взял «паразита» за шиворот и осторожно швырнул его в кусты.

– Поехали. Лучше ребеночка заведем.

– Правда?.. – обрадовалась Лена.
1999.

Джентельменка

Десять долгих лет Иван не был на Родине. Потихоньку канадская жизнь его устаканилась, появилась денежная работа, он разделался с долгами и решил на пару недель махнуть в Москву.

Москва осталась Москвой – до боли родным городом, где ему были знакомы все закоулки. Вместе с тем она страхнула с себя лохмотья разрухи времен его отъезда и превратилась в нарядный и местами очень уютный европейский город, причем не только в центре, но и за пределами Садового Кольца. Особенно его поразило сказочное перемещение окружного железнодорожного моста, который раньше был возле Лужников, а оказался напротив "пентагона".

Сначала Иван ездил по городу на «Москвиче», который одолжил ему старинный приятель, но после того, как на него прямо в лоб на дикой скорости помчался большой черный джип, свернувший на свою полосу буквально в последнее мгновение, он от греха подальше пересел на метро. Да и много ли увидишь из машины при таком движении!

Он много гулял и все, что его удивляло, снимал специально купленной для такого случая маленькой цифровой видеокамерой. Одевался Иван нарочито скромно, чтобы не выглядеть иностранцем, но именно поэтому им и выглядел, хотя сам об этом не подозревал. На Пушкинской площади он обратил внимание на красивую девушку. Он наставил на нее издали объектив и нажал кнопку «зума», чтобы снять крупный план.

– Неча тут сымать! – услышал он за спиной пьяный голос, и одновременно кто-то сзади ударил его по рукам.

Камера выскользнула из пальцев, стукнулась об асфальт и с глухим дребезжанием покатила под колеса стоящих на светофоре машин.

Чудо техники, впитавшее в себя новейшие достижения цивилизации, концентрат мысли и мастерства грубо, вероломно и, главное, совершенно бессмысленно уничтожалось ничего не соображающим вандалом! Есть ли слова, которыми можно выразить чувства, охватившие Ивана в этот момент? Нет таких слов. Медики называют подобное состояние шоком...

– Ублюдок! – Только и выкрикнул Иван. – Она же полторы тысячи долларов стоит!.. – И грубо выругался по-английски.

К счастью, водитель машины увидел, что произошло, и не тронулся с места, несмотря на загоревшийся зеленый сигнал светофора и нетерпеливые гудки стоящих позади автомобилей. С колотящимся сердцем Иван встал на коленки и достал из-под колес камеру. Откинувшийся экранчик светился цветным изображением! Первый поверхностный осмотр выявил небольшие царапины и вмятины на углах корпуса, но, похоже, механизм и оптика не пострадали.

Иван отошел в сторону, присел на гранитный бордюр и принялся разглядывать камеру более внимательно. Отмотав пленку назад, стал просматривать отснятое. Вот на экранчике появилась заинтересовавшая его девушка, изображение начало приближаться и вдруг замелькало, закружилось, а потом замерло. Иван увидел перевернутого себя и нечто такое, что заставило его сердце вновь тревожно застучать. Он еще раз отмотал пленку, перевернул экранчик вверх ногами и включил покадровую демонстрацию. Увиденное заставило его опять грубо выругаться. Пока он с перекошенным лицом не спускал глаз с камеры на асфальте, элегантно одетая молодая женщина с милой улыбкой вытаскивала из его кофра бумажник!

Только сейчас он заметил длинный разрез на верхнем кожаном клапане сумки. На что-то надеясь, Иван стал рыться внутри. Напрасно! Бумажник с канадским паспортом, обратным авиабилетом и двумя сотнями американских долларов исчез. К счастью, кредитную и банковскую карточки он хранил отдельно.

Ноги сами привели его в ближайшее отделение милиции, где много лет назад он уже побывал в качестве задержанного за какое-то мальчишеское озорство. Принял его заместитель

начальника – капитан в красивой форме. Он внимательно выслушал Ивана, дважды просмотрел запись и сказал:

– Что-то лицо этой дамочки мне, похоже, знакомо.

Потом позвонил по телефону:

– Костя! Зайди.

Появился молодой опер в джинсах, посмотрел запись и воскликнул:

– Да это же Джентельменка! Ну, кажется, мы ее наконец зацепим.

– А почему у нее такое странное прозвище? – удивился Иван.

– Благородная очень, – коротко ответил опер. – Перепишите где-нибудь эту сцену на наш стандарт и приносите вместе с заявлением. Чем раньше – тем лучше.

Иван вышел на улицу и побрел в сторону Пушкинской площади. Никакой надежды на московских сыщиков у него не было. Единственным местом, где ему сейчас могли по-настоящему помочь, было канадское посольство. И вдруг он увидел воровку.

– Джентельменка! – неожиданно для самого себя окликнул ее Иван и тут же спохватился: "Сейчас рванет!".

Но она даже не дернулась. Хоть бы мимолетная тень смущения мелькнула на ее лице!

– А, канадец! – сказала она с очаровательной улыбкой. – А я как раз иду в милицию, чтобы отдать им бумажник с твоим паспортом.

– А деньги?

– Какие деньги? – удивилась Джентельменка. – В бумажнике, который я нашла, – она сделала ударение на слове «нашла», – никаких денег не было!

– Ладно, давай сюда!

– Держи! Паспорт, билет – все на месте. Можешь забрать свое заявление.

– А я его еще не писал.

– Ну, и молодец! У них и без тебя работы по горло.

Впервые за последние полтора часа после происшествия на площади Иван почувствовал облегчение. Напряжение спало. Он посмотрел на красивое лицо воровки и предложил:

– Может, по чашечке кофе?

– Лучше зайдем ко мне, а то в это время везде полно народу.

...Подъезд старинного дома, мраморная лестница, долгая возня с дверным ключом. И шикарная трехкомнатная квартира с "евроремонтom".

– Твоя? – удивился Иван.

– Нет, бывшего мужа. Он сейчас в Турции, а у меня ключ остался. Не бойся, он только улетел.

– А я и не боюсь. Я вообще ничего не боюсь. Я в десантных войсках служил.

Джентельменка оказалась ничего себе. Очень даже ничего...

Тремя днями позже она поехала провожать его в аэропорт. У регистрационной стойки Иван встретил канадца, с которым летел в Москву. Едва они обменялись приветствиями, Джентельменка в очередной раз его удивила: вдруг начала бойко болтать с канадцем по-английски. Настолько бойко, что Иван даже не все понимал.

– Ты где так научилась?

– В школе. Потом в институте. А потом у меня два года был бой-френд американец. Они обнялись на прощание.

Уже в Торонто Иван почувствовал какой-то дискомфорт. Анализы выявили хламидиоз...

2000.

Любимая, желанная

Ради нее он готов на все.

Она того стоит.

Действительно, она – просто чудо. Высокая и высоколобая, гибкая, зеленоглазая, с тяжелой густой гривой волос такого цвета, который заставляет мужское сердце трепетать, как хвост антилопы гну.

Как-то я подвозил знакомого патологоанатома на работу в морг, и она промчалась мимо на роликовых коньках, на лету преодолевая бордюры и ступени.

– Ты думаешь, она такая стройная, потому что занимается спортом? – сказал знакомый. – Вовсе нет! Она занимается спортом, потому что этого просит ее стройность. Порода!

Специалистам я верю.

Кстати, насчет породы. Когда она идет рядом со своей матерью, их легко спутать, особенно если вы их нагоняете сзади. Спереди, конечно, разница заметнее, потому что лицо матери хранит следы былой необузданности. Но речь не об этом. Речь о том, что девичья фигура матери – самая надежная гарантия того, что и дочь с годами, а особенно после родов не расплывется.

У каждого своя походка. То же самое можно сказать о манере бегать. Jogging до сих пор в моде, хотя врачи давно доказали, что ходьба полезнее. К сожалению, многим даже молоденьким девушкам бег дается нелегко, это сразу бросается в глаза. А вот она бежит, словно по воздуху летит – пружинисто и без малейших видимых усилий. Думаю, от избытка жизненных сил.

Какой-то неправильный тон я взял – говорю о женщине, как о породистой лошади. Она ведь личность. Это сразу видно по ее ясному, прямому, осмысленному взгляду. Умна, как ведьма, но ум свой не выпячивает, таит, чтобы не смущать собеседников. То, что женщины обожают учиться, – дело известное. Некоторые превращаются просто в какие-то ходячие библиотеки, по любому поводу могут высипать кучу фактов, и говорят, говорят... Она не такая. Образованна, конечно, начитанна, обо многом могла бы рассказать действительно интересные вещи, но больше любит слушать других. А если что и скажет, то это будет не многословный рассказ о похожем случае, а суждение – всегда очень лаконичное и здоровое. Иными словами, ум у нее аналитический.

Правда, один раз я подсмотрел, как она разговаривает с детьми. Что-то рассказывала, изображая это в лицах, и дети слушали, раскрыв рты. Когда надо, умеет и поговорить. Как-то на улице к ней подскочил корреспондент телевидения с камерой. Некоторые в таких случаях теряются, другие смущаются, большинство бормочет банальности. Она спокойно выслушала вопрос и спокойно с достоинством ответила, да так, что вся эта запись полностью вошла в вечернюю передачу, а потом участники дискуссии в студии то и дело ссылались на высказанные ей мысли. Как пишут в характеристиках, неординарность взглядов и творческий подход ко всему – еще один важный штрих к ее портрету.

Говорят, что если человек талантлив, он талантлив во всем. Это про нее. За что ни возьмется – все получается, и не просто хорошо, а с блеском! Например, она великолепно готовит и практически профессионально шьет. Готовить она научилась у бабушки, а шить нигде не училась – просто поработала месяц в швейном цехе еще во время школьных каникул.

Но и за себя постоять может. Нет у нее коровьего синдрома, когда под мужским напором накапывает ступор и женщину словно парализует. Как-то поздним вечером на улице к ней привязались двое. Чего хотели – ограбить или изнасиловать – до сих пор не ясно. Один особенно старался, все руки тянул. "Ребята, вы делаете ошибку, – спокойно сказала она. – Нам лучше разойтись". Ребята не поверили, а тот, активный, совсем разошелся. Тогда она пулеметной очередью грамотных ударов уложила его окровавленной мордой на асфальт и сказала второму:

"Видишь, я же предупреждала..." Второй понял и занялся приведением товарища в чувство, а она не спеша пошла дальше. Не зря целый год посещала секцию самбо.

В то же время мужиковатой ее никак не назовешь. Она не из тех, ну, вы знаете... Женского в ней хоть отбавляй, но женственность ее какая-то гордая, благородная. Ей, например, совершенно ни к чему цеплять на себя всякое золото и бриллианты, потому что она сама – бриллиант. Одевается вроде просто, но другие женщины на нее поглядывают с откровенной завистью и стараются подражать. Правда, я сомневаюсь, что можно подражать врожденной элегантности, она или есть, или нет.

Представьте себе, что вы пришли на какой-нибудь элитарный прием или, скажем, банкет. В зале уже битком народу, все расфуфырены по полной форме, но вы сразу замечаете ее, потому что она – украшение этого сборища. Более того, начинает казаться, что все устроено только для того, чтобы была возможность посмотреть на нее, хотя официальный повод совершенно другой. Это как будто про нее Борис Пастернак написал: "...Прелести твоей секрет разгадке жизни равносильна".

Теперь вы понимаете, почему ради нее он готов на все. Готов даже бросить курить и дуть пиво, готов поступить на какие-нибудь курсы, чтобы приобрести денежную специальность и устроиться, наконец, на хорошую работу. Готов даже развестись с женой – матерью его оболтусов. Вот только за сорок пять лет своей бестолковой жизни он так ее ни разу и не встретил. Скорее всего такие женщины даже не заглядывают в прокуренные пивные бары, где он торчит с утра до вечера.

– Где ты, любимая? – шепчет он, и скупая мужская слюна пенится в воспаленных уголках его пухлого безвольного рта.

2000.

Рио, Рио...

Лев Хоган умудрился эмигрировать из Советского Союза аж в 1946-м году! Для этого он сначала притворился поляком, в Польше женился и уже оттуда рванул в Австрию. Сначала работал простым слесарем, потом очень быстро продвинулся до управляющего небольшой фабрикой, прикопил денег и совершил очередной прыжок, на этот раз – через Атлантический океан, в Канаду. Умер владельцем процветающей торговой фирмы с филиалами в трех прилегающих к Торонто небольших городках, не дожив пару недель до конца бурного XX века, через 23 года после гибели жены в автомобильной катастрофе. Несмотря на безграничную жадность, завещание составил очень толково. Каждый из магазинов перешел в собственность одному из трех его сыновей с условием сохранения целостности фирмы. Племянник Миша тоже не был забыт и обижен: за ним закреплялась должность менеджера центральной базы и приличный пакет акций. А вот со своими похоронами покойник намудрил. Свое старое, израненное тремя инфарктами сердце он завещал похоронить в Иерусалиме, испитую печень – на Востряковском кладбище в Москве, причем почему-то на русской его половине, мужскую гордость – в Рио-де-Жанейро, а все оставшееся – кремировать и развеять над Ниагарским водопадом.

На семейном совете скорбные обязанности поделили так: старший сын поедет в Израиль, средний – в Россию, младший арендует двухместный самолет и полетает над Ниагарой, а племяннику Мише достанется Бразилия. Лица у совещающихся были серьезными, но их репликам и комментариям позавидовал бы, пожалуй, даже Жванецкий. Если бы понимал английский. Племянник Миша понимал его неважно, и поэтому решил, что братья иронизируют именно над ним.

«Нашли дурака! – думал он. – Выброшу старую кочерыжку к черту на помойку, а деньги на дорогу пропью с Лариской в Лас-Вегасе».

Еще немного истории. Если с сыновьями старого Льва все ясно – урожденные канадцы, родной язык – английский, то у Миши закваска была совсем другая. Он родился и вырос в Москве, а о дяде-канадце узнал только в 1992 году, когда тот впервые решился навестить на родину. Подарки заокеанского миллионера вызвали у размечтавшейся было московской родни зубовный скрежет: каждый получил по пустой бутылочке из-под виски «Canadian Club» с сургучной затычкой и круглой желтой наклейкой, на которой от руки было написано: «Воздух Торонто».

Из всех один только Миша не смолчал, а громко заявил: «Мне этого мало! Хочу дышать воздухом Торонто каждый день!». Дяде Мишина наглость понравилась, он устроил племяннику визу и даже обеспечил секретарской работой в своем офисе.

Работы в конторе было так много, что у Миши совершенно не оставалось времени и сил на личную жизнь. После распушенной Москвы Торонто казался ему холодным и бесчувственным городом. Единственное, что он успевал делать в редкие свободные часы – так это болтать по телефону со своей бывшей подругой Лариской, обосновавшейся в Нью-Йорке. В Америке Лариска пристрастилась к азартным играм и уже дважды побывала в Лас-Вегасе. «Там есть все, – рассказывала она Мише по телефону, – даже настоящая Эйфелева башня! Ни в какую Европу летать не надо вся Европа, а заодно Азия и Африка – в Лас-Вегасе». Вот почему Миша вместо Рио-де-Жанейро решил слетать в Неваду.

Встреча с семейным нотариусом мгновенно разрушила его лукавые планы. Нотариус вручил Мише продолговатый лакированный ларец мореного дуба и объяснил, что внутри находится контейнер из нержавеющей стали, а в нем – запаянный кварцевый сосуд, в котором, собственно и покоится дядин половой орган, мумифицированный по методике российского биохимика Бориса Збарского, который бальзамировал тело Ленина. Одновременно нотариус

передал Мише билет на 918-й рейс Air Canada, вылетающий в ближайшую среду из Торонтского аэропорта Pearson в Майями с посадкой в Рио-де-Жанейро, и папку с подробнейшей инструкцией, в какое похоронное бюро обращаться и какую надпись на камне заказывать.

О надписи следует сказать особо, потому что не сказать о ней просто невозможно. Покойный распорядился выдолбить на граните следующее: «В Рио-де-Жанейро мне было хорошо». Причем по-русски! Принимая ларец, Миша вдруг остро почувствовал, что никогда не сможет выбросить на помойку такую шикарную вещь и что вообще воля покойного священна. «Хорошо, что не успел ничего наобещать Лариске», – подумал Миша.

Бразилия оказалась неожиданно далеко. Если бы Миша не захватил с собой два исторических детектива модного сейчас писателя Б. Акунина, которые он купил в русском книжном магазине «Эрудит», тринадцать с половиной часов беспосадочного перелета с вынужденным бездельем показались бы ему вечностью. Дремота вперемежку с интеллигентным чтением скрасили заоблачный арест.

Когда «Боинг-767» приземлился в аэропорту Рио-де-Жанейро и Миша направился к выходу на трап, из открытой наружу двери пахнуло таким жаром, что он невольно отшатнулся. Сразу же захотелось снять шерстяной свитер с высоким горлом, а заодно избавиться от пуховой парки в руках, которые были в самый раз в зимней Канаде, но оказались совершенно неуместными на другом полушарии.

Шофер такси довольно бойко болтал по-английски. От его португальского акцента, похожего по звучанию на то, как говорят по-английски выходцы из России, веяло чуть ли не домашним уютом. Какое-то мгновение Мише даже показалось, что он едет по Ялте, но за окном такси замелькали шикарные виллы, и Миша понял, что он не в Крыму, а в Бразилии. Архитектура крупных зданий напоминала скорее Европу, а не Канаду или США. «Так вот он какой, Рио-де-Жанейро – несбывшаяся мечта Остапа Бендера», – думал Миша.

– У вас номер с видом на океан, – сказала женщина-портье в гостинице и соблазнительно сверкнула глазами.

«Да, это не холодная Канада», – снова подумал Миша. Правда, разглядеть в окно океан не удалось, потому что по-южному быстро стемнело.

Утром Миша пешком отправился в похоронное бюро, которое, как ему было сказано еще в Торонто, размещалось неподалеку от гостиницы. Женщины на улице бросали на него откровенные заинтересованные взгляды и кокетливо вертели бёдрами. Агент похоронной фирмы в черной шелковой рубашке без тени улыбки принял лакированный ларец.

– Перевод мы уже получили, – сказал он. – Единственное, о чем я должен вас попросить, проверьте, пожалуйста, правильность надписи на камне. И он повел Мишу в мастерскую, где на небольшой гранитной плите белой краской были намечены известные слова. Миша дважды внимательно прочитал надпись, попросил дорисовать закорючку над «Й» и чуть-чуть по-другому изобразить букву «Ж».

– Видите, мы правильно сделали, что не спешили. В нашем деле поспешность ни к чему, – сказал агент. – Завтра в десять утра все будет готово к церемонии.

– Не надо никакой церемонии! – испугался Миша, почему-то представив себе католического священника в сутане.

– Не волнуйтесь, все будет очень скромно. Мы понимаем... – успокоил агент.

«Значит, в моем распоряжении целый день, – обрадовался Миша. – Поеду на пляж, искупаюсь в Атлантическом океане, а то опять становится жарко».

В отеле, где остановился Миша, был шикарный бассейн, но его тянуло именно на пляж. Переодевшись в цветастые плавки, которые он купил в лавчонке на берегу, Миша запер одежду в железном шкафчике и вышел к океану.

Белопесочная подкова пляжа опоясывала прекрасную лагуну, к которой спускались холмы Рио-де-Жанейро. Вокруг лежали, ходили и резвились в прибое многочисленные кра-

сотки. Если там и были мужчины, то Миша их просто не заметил. Он сел на песок и стал озираться. Одна из девушек привлекла его внимание грацией и красотой движений. Он набрался смелости и подошел.

– Добрый день!

– Добрый день, мистер гринго! – ответила девушка тоже по-английски.

– Я не гринго, я из Канады. Меня зовут Миша.

– Как интересно! – Было видно, что ей действительно интересно. – А я – Челита.

Они разговорились. Челита училась в государственном университете Рио-де-Жанейро на факультете общественных связей, ее курс назывался «Коммуникации и городское пространство». Сейчас у нее были небольшие каникулы после экзаменов за семестр.

– А ты турист?

– Нет, я по делу. По печальному делу. Бразилия – крупный торговый партнер Канады, а мой недавно умерший дядя был крупным бизнесменом. Он часто сюда ездил, очень любил Рио и оставил здесь часть своей души, поэтому завещал похоронить здесь часть своего тела...

– Какую? – мгновенно отреагировала Челита.

Миша покраснел и перевел разговор на литературу, чтобы произвести интеллигентное впечатление. Правда, пришлось краснеть еще раз: Габриель Гарсия Маркес оказался не бразильским писателем, как он полагал, а колумбийским.

– Я вижу, ты ничего не знаешь о Бразилии. Давай, я покажу тебе Рио.

Они немного поплавали, причем выяснилось, что плавают Челита, как русалка, а потом оделись и поднялись на фуникулере к колоссальной статуе Христа. День прошел просто сказочно и завершился совместным ужином при свечах в крохотном парковом ресторанчике. Потом как-то совершенно естественно они оказались в Мишином номере.

Агент похоронной фирмы ни единым движением профессионально печального лица не выказал удивления по поводу того, что Миша опоздал на церемонию, что под глазами у него синяки и что он заявился на кладбище с девушкой. Вся церемония свелась к тому, что клерк погрузил ларец в неглубокую нишу, а рабочий накрыл его плитой, предварительно выдавив из тюбика на обод какую-то серую субстанцию. Потом Миша точно по инструкции сделал четыре снимка: захоронение крупным планом, оно же в окружении других могил, панорама кладбища и его входные ворота с названием. Потом подписал какие-то бумаги, составленные на португальском языке. Дело было сделано. Карман раскаленным железом оттягивал обратный билет.

– Я не поеду в аэропорт, это будет слишком печально, – сказала Челита.

Она не плакала, даже улыбалась, но так закусилась нижней губой, что на ней выступила капелька крови. Миша, как вампир, осторожно ее слизнул.

– В Торонто тоже есть прекрасный университет, почему бы тебе не продолжить образование в Канаде? – спросил он.

– Это дорого. А по обмену меня не возьмут, у меня успеваемость неважная. Тренировки много времени отнимают. Если только попасть на какие-нибудь международные соревнования...

Миша уже знал, что Челита серьезно занимается художественной гимнастикой и даже входит в студенческую сборную города. Если честно, то он от нее совершенно, ошалел (в русском языке есть более точное слово, но редактор наверняка попросит его выбросить). А нью-йоркская Лариска напрочь вылетела у него, из головы.

– Я обязательно вернусь! Обязательно!

– Только не так, как твой дядя, – пошутила Челита.

Чтобы хоть как-то отвлечься от навязчивых мыслей о случившемся с ним в Рио-де-Жанейро, Миша попробовал читать в самолете второй детектив Б. Акунина под названием «Турецкий гамбит», но не смог одолеть даже первую страницу. Вместо этого он снова и снова

просматривал на маленьком экранчике своей цифровой фотокамеры сделанные им снимки Челиты, пока батарейка не села и экран не погас.

«Дядя Лёва был, конечно, жуткий жмот, но не дурак», – впервые с уважением подумал Миша о покойном.

2000.

Молитва воркоголика

Воркоголик (workaholic) – трудоголик, одержимый работой, короче – псих, но псих хороший, положительный.

Нет такого слова в русском языке, потому что соответствующего понятия тоже нет. Как-то не сформировала его родная культура. Тем не менее такие люди среди наших соотечественников наличествуют. И в немалом числе!

Кандидат физико-математических наук Карен Григорян знал несколько языков и играл на скрипке, как Альберт Эйнштейн. "А Гимн Советского Союза сыграть можешь?" – спросил его сокурсник еще в лагере, где они проходили стажировку от военной кафедры. Карен сыграл. Собравшиеся вокруг студенты в солдатской форме покатывались со смеху. "А тревогу?". Карен сыграл тревогу. На необычные звуки пришел капитан, командир их роты. "А подъем?". Карен вдохновенно исполнил подъем. "Будете играть подъем каждое утро!" – не то приказал, не то пошутил капитан. И целый месяц рота поднималась под скрипичные переливы, что придало неповторимый интеллигентский оттенок всей их недолгой военной службе.

После аспирантуры и защиты диссертации Карен стал преподавателем кафедры прикладной математики одного из ленинградских вузов. Осенью вместе со студентами ездил в подшефный колхоз убирать картошку и прямо на поле играл на скрипке «Цыганские напевы» Пабло Сарасате. Молодежь его любила, но в голове Карена бродили бунтарские замыслы. Империя агонизировала, надвигалась разруха. Приходилось заниматься чем угодно, но только не любимым делом – разработкой новых концепций программирования. И когда убогое нищенское бытие окончательно определило сознание молодого ученого, он уехал в Израиль, благо папаврей подарил ему такое законное право.

Карен поселился в Хайфе и довольно быстро устроился программистом. Несмотря на весьма приличный заработок, счастья он не испытывал. Дело в том, что программисты бывают разные. Одни – их называют тестерами – просто ищут «блох» в уже сделанном. Это чернорабочие отрасли. Другие выполняют конкретные задания по доведению до ума узких разделов того или иного специализированного программного обеспечения. Это как бы младший инженерный состав. И лишь немногие – так называемые системные программисты – вырабатывают стратегию и тактику. Они – белая кость и голубая кровь информационной индустрии, ее творцы и идеологи, ее мозг. Карен по уровню своего мышления и квалификации был системным программистом высшей пробы, а в Хайфе ему приходилось заниматься рутинной. Стоит ли удивляться тому, что в конце концов он оказался в Канаде – мировом лидере в области телекоммуникаций и прочих высоких технологий.

Такому специалисту, как Карен, найти работу в крупной корпорации было раз плюнуть, что он немедленно и проделал. Однако в Оттавском отделении Nortel повторилась та же история, что и в Хайфе: Карену стало скучно. А найти работу, соответствующую его квалификации, оказалось непросто. Он веером рассылал свои резюме по всей Канаде, непрерывно ездил на собеседования, но ничего подходящего не попадалось. Дело в том, что в голове у Карена роились идеи, по сравнению с которыми проделки инопланетян из фантастических романов кажутся детскими шалостями. В конце концов им заинтересовалась одна уникальная по специализации фирма со штаб-квартирой в Торонто. В понедельник ему надо было прибыть на собеседование со своим будущим руководством к 2 часам дня.

Он все рассчитал и выехал из Оттавы в 7 утра, то есть почти с трехчасовым запасом. Еще раньше на шоссе номер 16 опрокинулся тракторный прицеп с навозом, машины растащили

пахучий груз на целый километр, вонь стояла страшная, но Карен воспринял все это как добрый знак. "Дерьмо – к деньгам, а деньги никогда не помешают", – подумал он с улыбкой.

Все шло по графику, но уже в Торонто после поворота с 401-го хайвэя на Don Valley Parkway он попал в жуткую пробку. Видимо, впереди случилась серьезная авария. «Toyota» Карена была зажата со всех сторон совершенно неподвижными автомобилями. Сначала он просто насвистывал и поглядывал на часы. Потом встревожился. Потом стал материться – сначала тихонько и про себя, потом громко и вслух. Потом испугался и начал шептать такие слова:

– Господи! Ну, сделай что-нибудь. Посмотри, сколько людей страдают ни за что. А я вообще пропадаю, потому что теряю работу, о которой мечтал столько лет. Хочешь, я тебе молитвочку почитаю? "Отче наш, сущий на небесах..." А хочешь, по-армянски: "Хайр мер вор Йергиныс..." Хотя здесь, в Канаде, уместнее по-английски: "Our Father who is in heaven..."

Машины продвинулись немного вперед и снова замерли.

Карен, который никогда верующим человеком не был, а был человеком просто очень начитанным и эрудированным, перешел на иврит:

– "Шма, Израэль..." Прости меня, Господи, что я на Йом-Кипур нажрался, как свинья, но я ведь и не еврей вовсе. Так, поджидок, полукровка. Но если ты сделаешь так, чтобы пробка рассосалась, я серьезно подумаю об обрезании. Повторяю: вовсе не обязательно сделаю, но подумаю серьезно...

Машины снова чуть-чуть продвинулись вперед.

– Господи! Ты же всемогущий! Вон сколько всего натворил. Одни комары чего стоят – плавают их личинки в пруду и знают, что по суше ходят люди, и что у них в жилах течет горячая вкусная кровь, и что они сами скоро превратятся в легкокрылых кровососов. Это же сколько надо сидеть и рассчитывать энергетику таких малявок, центр тяжести, площадь и угол атаки крыла... Я уж не говорю о блоке памяти, процессоре и программном обеспечении. Ведь не лень же тебе было этим заниматься. А глисты всякие, вирусы проказы и СПИДа... Прости меня, Господи, за недостойный совет мой, но с твоей стороны просто неприлично допускать такие дорожные пробки. Может, ты намекаешь, что нам следует пересесть на велосипеды и не травить атмосферу? Я обязательно куплю велосипед, но не сейчас же. Сейчас мне надо на собеседование. Помоги, Господи!

И молитва была услышана.

Хотя он опоздал на целый час, этого никто даже не заметил, потому что вся головка фирмы промаялась в той же пробке метрах в трехстах позади машины Карена. Когда они наконец прибыли в офис и увидели ожидающего, сам босс долго перед ним извинялся и чуть ли не заискивал. Собеседование прошло исключительно гладко и доброжелательно. Вскоре Карен был зачислен на работу с таким окладом, цифру которого я воздержусь обнародовать, чтобы понапрасну не расстраивать хороших людей. Но и работал он, как папа-Карло, – с утра до ночи. И был совершенно счастлив.

Нищие духом, конечно, блаженны, но умные люди Богу тоже нравятся.

2000.

Диагноз: стерва

Он позвонил мне из гостиницы. Мы не виделись восемь лет. В Канаде он оказался как участник научной конференции. Его самолет улетал в понедельник. Чтобы повидаться со старинным приятелем, я отпрашивался на день с работы и стал пробиваться сквозь снежную бурю из Оттавы в Монреаль. Временами казалось, что машина плывет в молоке. Путь, который обычно занимает два часа, растянулся на три с половиной. И вот, наконец, мы сидим в его номере. На столе две бутылки – привезенная из Москвы «Гжелка» и моя «Canadian Club». Мы пьем каждый свою (он попробовал виски и скривился, а я водку не люблю с детства). Пьем, значит, и разговариваем. Вернее, говорит он, а я слушаю.

– ...За те четверть века, что мы вместе, она меня ругала абсолютно за все. И за то, что мало зарабатывал, и за то, что одно время стал зарабатывать так много, что ей даже перед соседями было неловко. И за то, что меня никогда нет дома – это когда работа поперла, и за то, что от меня некуда деваться – это уже когда я стал вольным надомником. И за увлечение теннисом – были и мы молодыми, и за увлечение диваном. У тебя, кстати, сердечко не барахлит?..

Было такое ощущение, что мы не расставались. Я, честно говоря, надеялся услышать впечатления живого человека о современной российской жизни, а он, как всегда, жаловался на жену.

– ...Часто дело доходит до абсурда. Например, в газете написано что-нибудь такое, что ей неприятно. И она начинает меня за это ругать. Я пытаюсь оправдываться, объясняю, что это не я написал статью в газете, а кто-то другой, что мне вообще эта проблема неинтересна. Тогда она принимается ругать меня за равнодушие. Логика во всем этом нет никакой, но ее это не смущает. Даже наоборот, когда я в своих бесплодных оправданиях уж очень напираю на логику, она прямо звереет. Особенно не любит, если я цитирую только что ей произнесенное, чтобы обнажить противоречие с произнесенным вслед за этим. Может даже наброситься с кулаками...

Я только сочувственно киваю, воздерживаясь от комментариев и особенно – от советов. Бесплезно. Если он терпит эту суку двадцать пять лет и ни разу не послал ее куда подальше, значит его все это устраивает. Может, это такая форма мазохизма.

– ...Да что я! Всем моим знакомым тоже досталось. Слабонервные нас избегают, зная ее сварливый характер, а терпеливые пропускают все мимо ушей. Или делают вид, что пропускают, а потом между собой переминают ей косточки. И то же самое с работой. Она ведь уже двенадцать лет нигде не работает. Ты еще был в Москве, когда ее поперли из Минпроса. Подвели под сокращение штатов. А была завотделом! Подчиненных гоняла, как блох. Текучесть в отделе была страшная, никто дольше нескольких месяцев ее не выдерживал...

Да, я помню эту историю. Начальник-сволочь на Руси не диво, даже, скорее, правило. Главное, чтобы его сволочизм был направлен вниз, а не вверх. Тогда он будет подниматься по служебной лестнице, сколько хватит здоровья. А его жена тогда сорвалась и наорала на замминистра. Вот и сидит теперь на худой шее кандидата наук.

– ...Одно время я начал думать, что она – того. Сумасшедшая. Познакомился с психиатром, пригласил его в гости, попросил присмотреться. Он просидел у нас целый вечер, один выпил бутылку коньяка, а потом и говорит мне на лестнице: "Она у тебя просто стерва. Диагноз: стерва вменяемая. Может, после климакса помягчает. Хотя вряд ли, у таких климакс длится десятилетиями..." И ушел. Больше я его не видел...

"Странный психиатр, – подумал я. – Наверное, самозванец. Профессиональный врач так никогда не скажет, даже после бутылки коньяка. Посоветует давать что-нибудь седативное, какой-нибудь седуксен". Чтобы поддержать разговор, я тоже решил что-нибудь сказать. Что-нибудь по теме, но нейтральное:

– Женщины – это стихия. Тут журнал «Time» на 8 Марта разразился подборкой новейших научных данных о физиологических особенностях женщин. Много интересного. Оказывается, никакой это не слабый пол, а очень даже сильный. Например, после всего трех месяцев тренировок группы самых обычных девушек, то есть не специально отобранных, все они стали отвечать требованиям, предъявляемым к солдатам армии США. И женские спортивные рекорды отстают от мужских всего лет на двадцать, причем этот разрыв сокращается...

– ...Да, рука у нее тяжелая...

– Конечно, женщины более эмоциональны и более склонны к депрессиям, но и жизнеспособнее. Здесь, в иммиграции, женщины раньше начинают говорить на местных языках и часто зарабатывают больше мужей. И живут дольше. Я тут на днях был в богадельне, в канадской богадельне, так там практически одни старухи. Чистенькие, гладенькие, аккуратные, седые букли у всех в полном порядке. Только одного деда встретил, он там, как магараджа. Чего там только у них нет – и бассейн, и специальный зал для спортивных тренировок на инвалидных колясках, и шикарный экскурсионный автобус... Заглянул, так сказать, в наше светлое будущее. А у вас там как насчет социальной защиты стариков?

– До старости надо еще дожить...

– А вообще как? Я ведь, ты знаешь, на родине уже восемь лет не был.

– Вообще – нормально. Вот только эти перепады настроения... Иногда она прямо как мегера, хоть вешайся. Думаю: все! Хватит! Ухожу! А она – хлоп! и оттаяла. Ну, и я тоже остываю. Так и живем...

В общем, поговорили. Ехал я из Монреаля обратно в Оттаву в состоянии недоумения. "Зачем так жить? – думал я. – Почему не попытаться разорвать эту цепь скандалов и унижений?"

– Ну, что новенького на родине? – спросила у меня жена, когда я вернулся.

– Все ругаются, как прежде. Скандал за скандалом. А чтобы работать – так нет.

– Ну, и чего он там сидит, твой приятель. Давно бы уехал куда-нибудь, хоть в Новую Зеландию...

– Кто не мог терпеть – те уехали. А кто терпит – тот сидит.

– Ну, и пусть сидит. Значит ему так нравится.

– Нет, говорит, что не нравится.

– А чего сидит?

– Живет он там, вот что!

2000.

Циклотимия

Аня и Володя приехали в Торонто "рожать канадца". По местному обычаю он держал ее за руку во время родов, но, когда новорожденный заскрипел на невыносимой ноте, молодой отец позорно потерял сознание и был пойман медперсоналом на самом подлете к бетонному полу.

Из госпиталя оба вышли другими: Аня – серьезной и озабоченной, Володя – растерянным. Пока молодая мама сутками напролет хлопотала с младенцем, новоиспеченный отец попробовал найти работу, но понял, что ни черта не понимает по-английски. Дома он чувствовал себя лишним, и по обоюдному согласию супругов отправился учить язык в школу для иммигрантов.

В классе оказались еще трое русских – стоматолог из Минска, журналист из Саратова и москвичка Марина. Они молниеносно подружились и все перемены проводили вместе, непрерывно хохоча. Тон нескончаемому веселью задавала, конечно, Марина, которая сразу стала предводителем их компании. "Наш атомный реактор", – назвал ее склонный к цветистой речи саратовский журналист. Прозвище удивительно точно определяло неиссякаемую энергию оптимизма, которую буквально излучала Марина.

Надо сказать, что человеком она была далеко не ординарным. Длинноногая, кареглазая, не по-русски смуглая, она с отличием окончила философский факультет МГУ, а затем полтора года была монастырской послушницей, одновременно успешно занимаясь ресторанным бизнесом. В иммиграции оказалась после таинственного исчезновения партнера и последующих телефонных угроз уже ей.

Очень скоро Володя почувствовал, что эта брызжущая веселым остроумием девушка заполнила все его мысли. Кроме того, он стал серьезно и даже болезненно воспринимать шутовское соперничество молодых мужчин за внимание Марины. В общем, произошла банальная вещь – отец трехмесячного младенца влюбился, как говорят, "на стороне".

Соперники отпали сами собой: журналист устроился развозчиком пиццы, а стоматолог пошел на курсы зубных техников. Оставшись вдвоем в ливанско-индийско-китайском резервуаре, Марина и Володя образовали устойчивую русскоговорящую молекулу. Пару раз они даже вместе ходили в кино, а после целовались в его "Мазде".

Аня была настолько поглощена материнскими заботами, что ничего не замечала. А Володя, который практически потерял сон из-за криков ребенка и любовных переживаний, чувствовал себя, как ни странно, бодрым и полным сил. Самое главное, в присутствии Марины он не испытывал столь досаждавшей ему последнее время растерянности. Он даже начал рассылать свои резюме по канадским фирмам и организациям, специализирующимся в области микробиологии.

Приглашение на интервью с перспективой получения работы по специальности пришло из Виннипега...

– Хочешь прокатиться со мной в Манитобу? – сдерживая волнение, спросил он Марину заранее заготовленной фразой.

– А ты не боишься, что у тебя от этой поездки образуется второй младенец? – мгновенно парировала девушка.

– Именно об этом я последнее время мечтаю, – почти честно ответил Володя.

– Вот не думала я, чтобы – ждать беды от Манитобы, – захохотала Марина. – Конечно, поедем. Я возьму на себя обязанности по психологической поддержке робкого, не владеющего английским, молодого восточно-европейского ученого.

В пять утра он поцеловал сонную жену, столь же ритуально склонился над колыбелью младенца и спустился в гараж. Марина в облегающих джинсах и с ярко-красной сумкой на плече ждала его возле бензоколонки. Они обнялись и, обмениваясь шутками, помчались на Запад.

О, Канада! Ты и так-то хороша, а на взгляд влюбленного – просто сказочно прекрасна.

В тот день они даже не добрались до границы провинции Онтарио. Часто останавливались, любовались прекрасными пейзажами Великих озер, много целовались и, не дожидаясь вечера, сняли номер в придорожном мотеле.

– Какие пейзажи! Жаль, что я второпях забыл фотоаппарат, – сказал он.

– Очень хорошо, что забыл, – улыбнулась Марина. – Ты наверняка не удержался бы, чтобы не запечатлеть на их фоне любимую девушку. А жены, они, знаешь ли, находчивы... "Пьяный воздух свободы сыграл с Плейшнером злую шутку..." Конспирация и еще раз конспирация!

– Какая к черту конспирация? Ты – моя единственная любовь!

В тот момент это было чистой правдой...

В Виннипеге они заблудились, и это обстоятельство ужасно развеселило обоих. Володя продолжал улыбаться, даже когда с получасовым опозданием заявился на интервью. Возможно, именно так и надо вести себя в подобных ситуациях. Несмотря на его английское мычание, в тот же день он был принят на работу с годовым окладом 50 тысяч долларов.

– Меня попросили пару дней не уезжать, чтобы принять участие в какой-то конференции и банкете, – сказал он Марине. – Пойдем вместе?

– Ни за что! Ты совсем ошалел от любви и напрочь забыл о конспирации. Тебе же здесь жить с семьей. К чему лишние разговоры.

– Ты – моя семья! – сказал он, правда не слишком твердо.

Ситуация разрешилась просто: вместо банкета он провел этот вечер с Мариной на широкой гостиничной постели.

В день отъезда погода испортилась. Пошел дождь. Марина перестала шутить и улыбаться. В машине она почти все время молчала. Один раз, скосив глаза в ее сторону, он увидел, что она плачет.

– Ты что? – спросил он растерянно.

– Циклотимия проклятая! Откат начался...

– Что? – не понял он.

– Это вроде маниакально-депрессивного психоза, только слабее выражено. То эйфория, то депрессия. Сейчас пошел откат к депрессии.

– Но есть же какие-то лекарства, – ошарашено пробормотал Володя.

– Соли лития. Но тогда не будет эйфории тоже, а я ей очень дорожу. А эти новомодные западные пилюли, мне кажется, вообще меняют индивидуальность...

На Марину было больно смотреть, она вся согнулась, как старушка, прекрасное лицо исказило страдание. Это было так тяжело, что Володя совершенно не ощущал радости от неожиданно легкого обретения работы. Когда он наконец высадил Марину у подъезда ее дома, было такое чувство, как будто он вернулся с похорон близкого друга.

Через полгода, оказавшись по делам в Торонто, он случайно встретил на улице Марину.

– Пламенный привет молодым ученым Виннипеге от безработных Торонто! – воскликнула она с неотразимой улыбкой.

– Привет! Ну, ты как? – промямлил он растерянно.

– Психую понемногу. Вот, в Москву ездила, на опознание. Моего партнера весной вытащили из Яузы. За несколько месяцев он так изменился! – и она весело подмигнула.

1998.

Первые шаги

В свои двадцать шесть Гера не выкурил ни одной сигареты, не выпил ни капли спиртного и никого еще не полюбил так, чтобы... ну, всем своим существом... Знаете, бывают такие чрезмерно застенчивые юноши из чересчур интеллигентных семей. В свое время, например, для его постоянно кудахтающей мамы одно лишь упоминание об армии (упаси Боже, не просто упомянуть, а упомянуть это в связи с достижением Герой призывного возраста!) было подобно удару ножом в сердце. Именно поэтому, когда Гера благополучно провалился на вступительных экзаменах в библиотечный институт, мама встала на уши и сделала эмиграцию. Легкий путь в Израиль сразу был отмечен как не исключаящий армейскую службу даже (!!!) для девочек...

...Здесь я прерву рассказ, потому что меня потянуло на воспоминания. Сам я когда-то положенный срок отслужил, о чем нисколько не жалею. Более того, приобретенная в армии закалка и бесценные навыки отлынивания оченьгодились в последующей редакционной деятельности на родине и особенно – для выживания на чужбине. Например, умение спать с открытыми глазами в общей сложности два года кормило меня на постах охранника и в Израиле, и в Канаде. А что касается девочек в армии, то до сих пор не могу без сердечного трепета вспоминать фантастически стройных марокканок с ниспадающими на погоны иссинечерными мелко вьющимися гривами и с «узи» на тусиках. Вы не знаете, что такое «тусик»? В приближенном переводе с иврита это «попка». В очень приближенном. Потому что тусик значительно лучше. На уставленных ресторанными столиками улицах израильских городов то и дело звучат восхищенные восклицания: "Эйзе тусик!", что и без перевода понятно. Так вот, всего этого Гера лишился из-за гипертрофированной трусоватости своей мамы...

...Мама встала на уши и сделала эмиграцию в Канаду, где нет всеобщей обязательной воинской повинности. Осуществить это было так не просто, что на второй месяц заокеанской жизни хлипкий папа-профессор от всех этих перетрубадий помер. Остатки семьи плотно сели на велфер, потому что мама до этого ни одного дня в своей жизни не работала, а Гера был патологическим недотепой.

Теперь я несколькими штрихами набросаю Герин портрет. Конечно, очки. Взгляд тревожный, ниспадающий. Нос продолжительный, вялый. Волосы и уши вислые. Фигура щуплая, сутулая. Штаны короткие, широковатые, с пузырями. Из-под них видны излишне светлые носки, а в зимнее время – кальсоны. Полуботинки древние, сильно стоптанные набок. Особая примета – седая прядь. О ней – отдельно.

До Канады никакой седой пряди у Геры не было. Когда папаша первый и последний раз в своей жизни четко и определенно выразил свое отношение к их иммиграции предсмертным хрипом, он некоторое время лежал дома. Трясущийся от страха Гера на цыпочках зашел в комнату с покойником, чтобы взять оставленные там очки. И в это время папа довольно раскати-сто пукнул. Вы когда-нибудь слышали, чтобы покойники пукали? Гера от ужаса тоже испустил дух. Не так, как родитель до этого, а как уже после – только что... Ну, вы поняли. А потом с необычной для него резвостью выкатился из комнаты. На следующее утро, глянув на сына, мама квохтнула раз в десять громче обычного и замахала руками, как перепуганная курица крыльями. Гера приподнял завешенное черной маминой комбинацией зеркало и увидел над своим юношеским прыщавым лбом первое истинно мужественное приобретение.

Надо сказать, что седая прядь – этот небрежный мазок шаловливой художницы-судьбы – придал облику юноши самобытность и очарование. С этого момента он стал замечать на себе внимательные женские взгляды. И... еще глубже увяз в робкой застенчивости.

Чем еще может быть занят в жизни такой пентюх, как ни учебой! На что он еще годится! Естественно, Гера учился. Долго и нудно. Сначала английскому, а потом – многообещающему

ремеслу бухгалтера, курс которого включал в себя и компьютерные премудрости. Чтобы «мальчик» имел все условия для успешной учебы, мама опять встала на уши и купила своему чаду компьютер. И вот это-то его чуть не сгубило.

Когда по вечерам Гера священнодействовал за компьютером, мама испытывала восторг и трепет. Она не решалась даже приблизиться к столу с чудесным прибором. Но если бы она это сделала, то была бы шокирована, во-первых, знакомой кириллицей на экране, а во-вторых, крайне порочному содержанию сложенных из нее фраз. Дело в том, что Гера открыл для себя Интернет и с головой нырнул в его океанскую муть.

Он читал тексты, разглядывал картинки и все больше осознавал, что до сих пор не жил в том смысле этого слова, который вкладывают в него большинство граждан обоих полов. А Интернет бурлил страстями. На «чатах» тусовалась молодежь, обмениваясь репликами из непонятных жаргонных слов. Люди постарше, забыв стыд и совесть, направо и налево бросались такими выражениями, которые постеснялся бы употреблять даже дворник. Из всех щелей перла обнаженная женская плоть, и было в ней много такого, о чем раньше Гера и не подозревал. Но доконали его стихи нью-йоркской поэтессы Ольги Аникиной. Они были прекрасны, печальны и... недоступны сопоставлению с личным опытом:

*...Льетса занавес мелодий, упоителен и сладок,
даровитый композитор бережит благоуханье
и выискивает ноты в скользком царстве алых складок,
все заметнее пьянея от неровного дыханья.
Раздавая опахала, ходят ласковые слуги,
слепо щурятся глазницы из темниц оторопелых,
аромат совокупленья, безучастный и упругий,
глушит запахи свиданий – прошлогодних, перепрелых.
Это место для утраты. Милый ангел, где ты, где ты?
Шепот мечется по кругу, неудачлив в откровеньи,
смутно грезится прохлада, и струится из манжеты
чье-то тонкое запястье, торопя прикосновенье...*

Гера решил покончить счеты со своим безжизненным существованием. В качестве орудия умерщвления тайно от мамы была куплена бутылка «Смирновской». Дело в том, что еще на выпускном вечере в московской школе одноклассник Геры Толя Радиков выпил большой стакан водки и, не приходя в сознание, скончался. Врач скорой помощи сказал притихшим перепуганным выпускникам: "Это четвертый случай в практике нашей больницы. Большая доза алкоголя, если до этого человек никогда не пил, убивает!" Гера это очень хорошо запомнил и сторонился спиртного, как отравы. Но сейчас путь Толи Радикова показался ему простым и легким. И поэтому заманчивым!

Когда все было готово, Гера заперся с компьютером и стал писать предсмертные стихи. Получалось тоже красиво и грустно:

*Зову я смерть. Мне видеть невтерпеж
Достоинство, что просит подаянья,
Над простотой глумящуюся ложь,
Ничтожество в роскошном одеянье,
И совершенству ложный приговор,
И девственность, поруганную грубо,
И неуместной почести позор,
И мощь в плену у немощи беззубой,*

*И прямоту, что глупостью слывет,
И глупость в маске мудреца, пророка,
И вдохновения зажатый рот,
И праведность на службе у порока.
Все мерзостно, что вижу я вокруг...
Но как тебя покинуть, милый друг!*

Скромному Гере было неловко подписывать стихотворение своим именем. Он подумал и написал так: *Уильям Шекспир*. Сообразив, что англичанин Шекспир вряд ли мог писать по-русски, добавил: *Перевод С. Маршака*. Потом вписал в соответствующее окошечко электронный адрес Ольги Аникиной и дал команду на отправку. Написанные кровью сердца строки помаячили на экране и провалились в кибернетическую бездну. А Гера наполнил большой стакан смертоносной «Смирновской», выпил его до дна и стал ждать смерти.

Мама, встревоженная подозрительным бульканьем, постучала в дверь.

– Гера! Открой!

– Я занят!

– Гера! Что у тебя с голосом? Открой немедленно!

По телу разливалось приятное тепло. В голове не так, чтобы шумело, а скорее – прояснялось. В пространстве комнаты замаячила и начала материализовываться Истина. Гера, пошатываясь, подошел к двери и открыл ее.

– Боже! Чем от тебя пахнет?!

– Мать! Все о'кей! Мне надо пройтись.

Не обращая внимания на материнское кудактанье, он накинул куртку и вышел на улицу. Ночной Торонто искрился февральским снегопадом. В лицо ударил бодрящий морозный ветер. Вдали послышался залиvistый девичий смех.

С безжизненным существованием было покончено!

1999.

Тень

Ветры, которые последние годы пускала История над территорией бывшего СССР, многим пошли во вред. Популярный актер театра и кино Владлен Моисеевич Прикольский совсем расхворался и практически не выходил из дома. Он сидел на балконе, тяжело дышал и с грустью смотрел вниз на своего умирающего железного друга. Даже с пятого этажа было видно, как его изумрудная «восьмерка» таяла буквально на глазах. Первым сперли лобовое стекло, но особенно необратимым процесс распада стал казаться после исчезновения крышки капота и переднего бампера.

Да, не повезло Владлену Моисеевичу с квартирой. Пятый этаж без лифта – не для человека с сердечными проблемами. Спуститься он еще мог, а вот чтобы подняться обратно, требовалось минут сорок и упаковка нитроглицерина. Поэтому в хорошую погоду Прикольский сидел на балконе, а в плохую – перед телевизором. Особенно он любил смотреть фильмы и постановки со своим участием. Новости и политические комментарии его расстраивали, их он старался не смотреть.

– Папа, пляши! – сказала однажды Соня, размахивая распечатанным почтовым конвертом. – Подошла твоя очередь на операцию.

Несмотря на бодрый тон дочкиного сообщения, в ее голосе чувствовалась тревога.

– А деньги? Нам же не хватит денег! – забеспокоился Владлен Моисеевич.

– Я заняла тысячу долларов у Миши. Теперь у нас пять с половиной. Нужно еще полторы. Садись на телефон, обзванивай друзей.

Друзья... Владлен Моисеевич погрустнел. Где вы теперь, друзья! На кладбище, вот вы где. И он уже привычно погрузился в безбрежный океан воспоминаний.

...Ему было лет пять, когда отец впервые повел его в цирк. После спектакля они пошли за кулисы. Оказалось, что отца там многие знают. Началась актерская пирушка. Седой акробат сделался совершенно пьяным. "Как же ты будешь завтра выступать?" – спросил его отец. "А вот так!" – ответил акробат и безукоризненно чисто сделал заднее сальто. "Вот что значит профессионал!" – восхищенно сказал отец, когда темным вечером они возвращались домой на трамвае.

"Может, позвонить Пете, он до сих пор работает в цирке на Цветном бульваре. Теперь уже, кажется, вахтером. Хотя откуда у вахтера доллары".

...Когда в 38-м хоронили Станиславского, он плакал. Константин Сергеевич, можно сказать, дал ему путевку в сценическую жизнь. "А мальчонка-то талантливее тебя! – сказал он отцу, когда они зашли за кулисы поприветствовать великого режиссера после, кажется, "Горячего сердца" Островского. – Смотри, не сгуби дарование". Такое не забывается.

"Да, во МХАТе никого из стариков не осталось, там звонить некому".

...Не каждый может похвастать, что снимался у Эйзенштейна. Ох, не каждый! А сейчас, может быть, он один такой остался. Не важно, что третья серия "Ивана Грозного" так и не была закончена. Важен сам факт актерской работы под руководством Сергея Михайловича. Не важно, что в массовке. Главное – творческая атмосфера вокруг гения, ее неповторимая наэлектризованность.

"На «Мосфильме» сейчас какие-то склады, если и снимают, то попу для телевидения. Иннокентий помер... Ролан тоже... Михаил Ильич Ромм дал бы, но он еще в 71-м ушел... Кому же позвонить?.."

Деньги в конце-концов нашлись, и Владлену Моисеевичу сделали операцию шунтирования коронарных сосудов сердца. Он ожил, стал много гулять, но тень заботы не сходила с его порозовевшего лица. "Долги проклятые!" – то и дело непроизвольно срывалось с его губ. Дочке-библиотекарше их никогда не отдать. Надо что-то придумать самому.

Помог совет соседа – хоккейного тренера, объехавшего полмира:

– Ты бы, Моисеич, прокатился на гастроли в Америку – вот бы и поднял хозяйство. И машину бы на ноги поставил. Я там такую мелюзгу встречал, зелень куют только так, а ты все-таки человек с именем.

– Да у меня и на билет не найдется.

– И не надо! Доверься профессионалам. Я тебе добуду телефончик. Все твои расходы – только один международный звонок. А потом пусть этот импресарио тебе сам звонит, они богатые.

Это может показаться чудом, но все произошло именно так, как говорил сосед. Фамилия «Прикольский» буквально загипнотизировала заокеанского антрепренера. Правда, помимо первого звонка, пришлось заплатить еще за отправку факсом текста договора с подписью о серии из 30 выступлений в США и Канаде. Сценический костюм после химчистки выглядел почти новым...

– Не пей там воду из-под крана! – сказала Соня в Шереметьево.

– А что же пить?

– Только из бутылок. Ну, и соки всякие.

– Почему?

– Пронесет, вот почему!

Соня как в воду смотрела. Хотя Владлен Моисеевич из-под крана в самолете не хлебал, живот от непривычных заграничных угощений все же схватило. Первое, что он спросил в Нью-Йорке у встретившего его очень толстого, но при этом подвижного, как ртуть, импресарио, было: "Где тут у вас туалет?" По дороге на квартиру к «друзьям» пришлось остановиться у какого-то большого магазина и еще раз сбежать...

Из-за разницы во времени спать хотелось смертельно, но «друзья» – совершенно незнакомые иммигранты, опять угощали и мучили до поздней ночи расспросами. Пришлось выпить рюмку водки.

Выступление прошло на редкость успешно. Два часа на ногах перед микрофоном, воспоминания, сценки из популярных постановок, одна песенка и даже что-то вроде чечетки. Конечно, раньше Владлену Моисеевичу не приходилось выступать в синагогах, но публика собралась очень отзывчивая, хотя и в возрасте. Некоторые даже плакали. Перед отлетом в Монреаль «друзья» опять заставили выпить рюмку водки. Может быть, поэтому в самолете началась сердечная аритмия. Пришлось принять нитроглицерин, который после операции Владлен Моисеевич уже начал забывать.

В Монреале он выступал уже не в синагоге, а в школе. Вернее, в актовом зале школы. "Нашим бы студиям такие залы", – невольно подумалось Владлену Моисеевичу. Перед ночевкой у новых «друзей» снова были разговоры с водкой. Число выпитых рюмок подскочило до двух. Утром разыгрался дремавший последние годы геморрой.

Из Монреаля в Торонто ехали на микроавтобусе. По просьбе Владлена Моисеевича часто останавливались у разных «Макдональдсов» для посещения туалета. Антрепренер поглядывал на часы и заметно нервничал. Как назло уже в самом Торонто угодили в жуткую автомобильную пробку. Никуда не заезжая, сразу причалили к месту выступления. Опять два часа на ногах. Полный зал седых голов. Многие плакали.

У очередных «друзей» ждал стол с обильной едой и водкой. Две рюмки. Утром цистит. Самолет. Чикаго. Синагога. Слезы седых зрителей. Приступ панкреатита. Самолет. Синагога. Жуткий артрит правого колена. Три рюмки. Самолет...

В Аризоне марафон был прерван экскурсией на Гран Каньон. Над пропастью схватило печень.

Синагога в Лос-Анджелесе. Три рюмки у «друзей». Прокуренный мотель. "Доченька, ты меня слышишь?" – "Не кричи, папа, слышу лучше, чем за столом в нашей кухне. Ну, как ты? Живой?" – "Обязательно встречай с Мишей, при мне одиннадцать тысяч наличными" ...

– ...Да-а-а, батенька... Не понимаю, почему вы до сих пор живой. Спасти вас может только операция.

– Сколько?

– Тысяч десять-одиннадцать. Зеленью, конечно...

1999.

Жертвоприношение

Микробиолог Валерий Песиков женился на беженке из Грозного с нерусским именем Лайла за год до своей эмиграции в Канаду и первые месяцы был безумно счастлив. А потом началось...

Они познакомились в метро, на станции Профсоюзная.

Один, два или три раза в жизни некоторые из нас, то есть далеко не каждый, встречаются в толпе человека, чей облик ошеломляет. Конечно, противоположного пола. Я называю такое явление "генетическим ключом", потому что он мгновенно отпирает в нашем естестве что-то такое, о чем мы даже не подозревали.

Валерий увидел девушку и буквально ошалел. Некоторое время он пребывал в ступоре. Потом, когда она собралась выходить из вагона, испугался, что потеряет ее, и рванулся следом.

– Извините! Я понимаю, что это неприлично – приставать в метро к незнакомым, но ничего не могу поделать. Мне вдруг стало страшно, что я вас больше никогда не увижу. Я бы потом всю жизнь мучился и ругал бы себя за нерешительность... – такую совершенно донжуанскую тираду неожиданно для себя произнес застенчивый молодой ученый, наклонившись к уху девушки на эскалаторе.

Запах ее духов или чего-то там еще добил его окончательно. Девушка повернулась, внимательно на него посмотрела и... улыбнулась.

Через две с половиной недели они расписались. Он был бы готов бежать в ЗАГС прямо из метро, но у Лайлы не было паспорта, а с единственным сохранившимся у нее документом – студенческим билетом пединститута – в ЗАГСе делать было нечего.

За вялую раздумчивость друзья прозвали Валерия "книжным червяком". Встретив девушку своей мечты, он превратился в несущегося с огромной скоростью носорога, сметающего на своем пути все препятствия. Добропорядочный научный сотрудник вдруг стал наглым, напористым взяточником и за несколько дней соорудил для Лайлы настоящий паспорт! Таким же способом он приручил сотрудницу ЗАГСа. Более того, едва выйдя из зала бракосочетаний, он тут же пристегнул молодую жену к начатому ранее эмиграционному процессу.

Все шло как по маслу, что намекало на верно угаданную судьбу и явное вспомоществование высших сил.

– Ты знаешь, что «лайла» на иврите – это "ночь"?

– Надо же! А я всегда думала, что это грузинское имя. У мамы в молодости была романтическая история на Черноморском побережье Кавказа...

– Я буду звать тебя Ночка. Бессонная Ночка.

Первый скандал случился по совершенно ничтожному поводу.

Они возвращались на автобусе из кино. "Актеры удачно подобраны, особенно героиня," – сказал Валерий. "Ты просто в нее влюбился!" – неожиданно зло и как-то чересчур громко ответила Лайла. "Что ты шумишь? Люди оборачиваются". "А мне плевать, что они оборачиваются! Лучше на себя посмотри!" "Как же я на себя посмотрю? Здесь нет ни одного зеркала", – попробовал свести все к шутке Валерий. "На! Любуйся!" – она протянула было ему зеркальце из сумочки, но вдруг отдернула руку и с размаху швырнула его на пол. Зеркальце разбилось на множество осколков. Пришлось выходить из автобуса на две остановки раньше. Шел дождь, и под ним скандал как-то непринужденно погас.

С тех пор бури проносились над их головами регулярно. Именно регулярно. Недели три Лайла была сущим ангелом. Потом в нее словно вселялся бес. Она начинала скандалить по малейшему поводу, а то и без повода. Это продолжалось недели две. Потом война плавно переходила в мир. При этом скандалы, как ни странно, не нарушали, а даже делали более красочными их супружеские отношения. "У меня две жены, – невесело пошутил как-то Валерий. –

Давай договоримся: в эмиграцию поедет только одна. Или ни одной...". "По рукам!" – ответила Лайла.

И они уехали в Канаду.

В Торонто выяснилось, что книжный английский Валерия совершенно не пригоден для живого общения. Это внесло неожиданные затруднения в устройство на работу по специальности. Пришлось искать что-нибудь попроще. Подвернулась должность монтажника систем охранной сигнализации. Лучшую возможность для разговорной практики трудно было представить.

Лайла сдержала слово. Скандалы из их жизни ушли. Валерий вновь чувствовал себя совершенно счастливым. Потом что-то произошло...

Что-то изменилось. Вдруг возникло напряжение с деньгами. Раньше зарплаты Валерия хватало, а после какого-то момента стало не хватать, хотя с приобретением некоторого опыта зарабатывать он стал больше. Потом вернулись скандалы.

"Может, она любовника завела", – предположил Валерий. Эта мысль пришла ему в голову на работе, когда он возился с установкой портативной телекамеры. "Это ужасно, это не в моем духе, но надо проследить. Лучше ужасный конец, чем ужас без конца".

Попросив у бригадира на несколько дней камеру с 24-часовым записывающим устройством, Валерий незаметно пристроил ее на шкафу в их квартире.

То, что он увидел на экране монитора, просматривая на работе тайно сделанную видеосъемку, не лезло ни в какие ворота. У него действительно было ДВЕ жены! Две сестры-двойняшки. Они жили по одному комплекту документов и по очереди укладывались с ним в постель. Поразительно похожие внешне, они отличались совершенно непохожими характерами. Злюка, действительно, осталась в России, но потом по документам сестры тоже перебралась в Канаду.

Валерий потерял сон. Он чувствовал, что близок к помешательству. Надо было что-то делать, но что? Что?!!

Очередной скандал случился в машине, когда они с Лайлой – или не-Лайлой – вечером возвращались домой из магазина.

– Надо остановиться и поговорить, а то мы разобьемся. Я не могу рулить и ругаться одновременно, – взмолился Валерий, сворачивая с дороги на какую-то стройку.

Она выскочила из машины, с треском захлопнув дверцу. Он вышел следом. Место оказалось знакомым – район новостроек. Валерий знал его очень хорошо, потому что вел монтажные работы в нескольких окрестных домах. "Я ее убью!" – подумал он и решительно направился к недостроенному дому. Выкрикивая оскорбления, не-Лайла тащилась сзади.

Сам не зная, почему, он остановился у одного из металлических флагштоков. Сверху хлопали на ветру разноцветные флаги, призванные привлечь внимание к новым домам потенциальных покупателей. Она подошла и прислонилась спиной к флагштоку. В глазах – жгучая ненависть.

– Я все знаю, – сказал Валерий. – Вы пьете мою кровь вдвоем. Как твое настоящее имя?

– Не твое дело! Лейла – вот как!

Он рассматривал устройство флагштока: стальной трос, блок с ручкой, петля...

– Тоже красиво, – прошептал он, обошел Лейлу, накинул ей сзади стальную петлю на шею и одновременно стал быстро вращать ручку блока, пока трос не натянулся...

Такие штуки вы бесчисленное количество раз видели по здешнему телевидению.

...Оставив для верности обмякшее тело висеть в быстро густеющих сумерках, Валерий пошел на стройку искать лопату. Вырыть неглубокую яму на дне приготовленного для бетонирования котлована оказалось делом несложным. Лейла приняла в ней компактную позу младенца в утробе. Он закидал яму землей, утробовал ее и закрыл, как было, древесно-стружечным щитом.

Кто будет искать человека, у которого нет документов? Для государственно-бюрократической машины такой человек и не существовал.

Скандалы, естественно, прекратились, но счастье не вернулось. Лайла стала грустна, похудела, даже как-то пожелтела, словно осенняя листва. Измученный ожиданиями разоблачения Валерий немного успокоился, когда на месте тайной могилы его жертвы вырос трехэтажный жилой дом, но тут как раз подоспел медицинский диагноз. Все шло к тому, что вместо двух жен у него вскоре не станет ни одной...

Вот, пожалуй, и все.

Нет, не совсем. Один важный момент в повествовании все-таки упущен. Дело в том, что интеллигентнейший Валерий Песиков был способен совершить убийство лишь в своем воображении, где, собственно, и развивались описанные события. В реальности же никаких двух жен, стальных петель и трупов под бетоном не было. Скандалы, правда, были. И диагноз.

1999.

Не выдавайте меня!

Иногда у мужа бывает любовница, и все об этом знают, кроме жены. Так может продолжаться годами. Если и происходит утечка информации, то от злости. Например, муж, у которого любовница, сделает кому-нибудь из друзей или знакомых гадость, а тот или та от злости возьмет да и откроет жене глаза. Но любовниц обычно заводят от любвеобилия, а эта черта характера к гадостям не располагает. И никто шалуна не выдает.

Вот и вы меня не выдавайте.

Правда, никакой любовницы у меня нет.

То, что я собираюсь сейчас сделать, лежит совершенно в другой плоскости. Я хочу выболтать чужие секреты. Меня прямо распирает это сделать, потому что секреты совершенно запретельные. Они касаются личной жизни моего давнишнего приятеля Жени Юдкевича. Он сейчас живет в Нью-Йорке, то есть в США, а газета с моей сплетней распространяется в Торонто, то есть в Канаде. Имеется небольшое количество подписчиков в Нью-Йорке, но вероятность короткого замыкания очень мала. Кроме того, я вас очень прошу: если знаете Женю, не говорите ему об этой статье. Пожалуйста! Пусть сказанное останется между нами. Почему, вы сейчас поймете.

Все у него происходит через это самое место. Наверное, так легли звезды. Другого разумного объяснения я не нахожу.

Началось все за девять месяцев до его рождения. Женина мама – диверсантка Соня Бронштейн, царство ей небесное, была заброшена вроде Зои Космодемьянской в тыл к фашистам. Там она собралась было не то что-то взорвать, не то поджечь, но ее поймал эсэсовский офицер. Поймал он ее так: попросился переночевать в одну избу, а там – Соня. Надо сказать, что она всегда была красавицей, а в молодости особенно. Эсэсовец от ее красоты совершенно обалдел, сбегал к своим за шоколадом, стал угощать, потом полез обниматься. Он, видимо, сразу понял, откуда в деревенской избе городская красotka с университетским выражением лица, но виду не подал и решил совместить полезное (в военном смысле этого слова) с приятным. Соня в целях конспирации тоже поначалу прикинулась очарованной шоколадом, но когда дело приняло уж очень серьезный оборот, вытащила из-под подушки «вальтер», подаренный инструктором по парашютному десантированию Костей Мирошниченко, и выстрелила врагу в голову. И убила. Но убитый эсэсовец умудрился забрызгать ее не только мозгами... Вот почему Женя родился этакой белокурой бестией у брюнетки-мамы.

С четырех лет Женя Бронштейн начал гулять в арбатском дворе самостоятельно. Когда ему было пять, он углядел возле детских качелей монетку, потянулся за ней и получил сильнейший удар железной лодкой качелей по голове. Все думали, что ребенок помрет, но он выжил. Так Женя получил свой первый перелом черепной коробки. После этого он приобрел заметную вмятину на бритой по детской моде тех лет голове и стал задумчив.

В тринадцать лет Женя попытался перейти улицу сразу за только что проехавшим грузовиком, не заметив прицепа. Сильнейший удар по голове, два месяца в больнице и вмятина со шрамом уже с другой стороны черепа.

Может быть, в результате этих травм Женя рос медленнее сверстников, но компенсировал малый рост необычайной злобностью в драках. Ребята во дворе и в классе его уважали.

В четырнадцать лет он сделал здоровенный самопал, зарядил его серой с четырех коробок спичек, пальнул в воробья и лишился трех зубов, выбитых осколком разорвавшейся медной трубки. В пробитой насквозь правой щеке началось нагноение, поэтому аккуратно зашить ее не удалось. Школу Женя закончил с серебряной медалью и с мужественным шрамом на лице.

В аттестате зрелости после имени Евгений следовала фамилия Уткин. Дело в том, что Женя мечтал об Институте кинематографии, и в предчувствии дополнительных осложнений

помимо сурового экзаменационного конкурса родня посоветовала при получении паспорта взять фамилию отчима.

В институт он поступил, но не на актерский, как собирался вначале, а на режиссерский факультет. На втором курсе Женя Уткин сварил с борще свой паспорт, принес его в милицию в совершенно непотребном виде и, хитро воспользовавшись нечитаемостью чернильных пятен, продиктовал паспортистке фамилию Юдкевич. Ему казалось, что перед режиссером с такой звучной фамилией распахнутся двери лучших киностудий страны.

Как бы не так! Долгих десять лет он был всего лишь ассистентом режиссера, хотя и на «Мосфильме». Потом по студии пронесся сенсационный слух: Юдкевич уезжает в Голливуд! Женя действительно был одним из первых, кто воспользовался израильской визой в качестве моста через Атлантический океан. Что касается Голливуда, то вклад выпускника московского ВГИКа в его продукцию все-таки имеется: в биографическом фильме о жизни известного американского комика звучит украденная у Жени мрачная шутка: «... Что, опять мама умерла?».

Короче, с Голливудом ничего не вышло. Женя перебрался в Нью-Йорк и стал снимать на только появившуюся тогда видеоаппаратуру юбилеи, свадьбы и бармицвы в русских ресторанах Брайтона.

Когда мы приехали в Канаду, я разыскал его в Бруклинской телефонной книге и позвонил. Женя просто завизжал от удовольствия, услышав мой московский выговор.

– Приезжай в гости, – сказал я. – На лыжах покатаемся...

– Обязательно приеду, – пообещал он. – Знаешь, все эти годы я очень скучал о лыжах.

И он, действительно, приехал с подругой Зиной. Мы, как водится, посидели за столом с воспоминаниями, а на следующий день отправились в соседнюю провинцию Квебек на одну из тамошних горнолыжных баз. Женя взял напрокат лыжи, мы поднялись с ним на вершину, он резво оттолкнулся палками и, неумело раскорячившись, помчался напрямиком на железобетонную опору подъемника...

Что мы пережили, описать невозможно. Ко всему прочему оказалось, что у него не было страховки для лечения в Канаде. Зина героически транспортировала мычащего и пускающего слюни Женю в Нью-Йорк. Там ему сделали уже третью по счету (!!!) трепанацию черепа. Едва выйдя из госпиталя, он женился на своей спасительнице.

Мы регулярно перезваниваемся. До встречи с канадской бетонной опорой Женя был нытик и пессимист. Все ему было плохо – и иммиграция, и Америка. Сейчас он жуткий патриот своей второй родины и горячий поклонник Буша.

Знаете, некоторые проблемы лучше всего решаются сильным ударом по голове.

2002.

Из жизни мертвых душ

...Монолог, который я сейчас процитирую, звучал по-английски, но с мягким восточно-европейским акцентом, раз пятьдесят. Произносил его перед различными людьми маленький голубоглазый толстячок с русыми остатками волос вокруг лысины приятного розового цвета:

– У вас, американцев, хреново с образованием. Дети в школе учатся курить марихуану и правильно пользоваться презервативами. И все. Закон Ома не знают даже инженеры. 65 процентов населения верят в вампиров, 75 – в ангелов, 85 – в «летающие тарелки», 95 – в «Биль о правах». Из-за полной математической безграмотности богатые дуры в казино скармливают сотни тысяч заработанных их мужьями долларов безмозглым железным ящикам с лампочками. А вы ломаете голову, чем платить по счетам. Страна буквально лопается от денег, надо просто найти на поверхности этого мешка еще не освоенное местечко, проковырять в нем дырочку и подставить карман. Я это местечко нашел, но мне нужны толковые помощники. Вы жутко похожи на одного из них. Я предлагаю вам работать один час в день, но с оплатой, как за восемь часов. Правда, этот рабочий час может свалиться на вас в любое время, поэтому при себе надо будет постоянно иметь сотовый телефон и портативный компьютер. Если такие условия кажутся вам привлекательными, могу прямо сейчас начать вводить вас в курс дела.

Когда кандидат говорил «да», монолог продолжался:

– Я – Василий Степанович. Зовите меня именно так и не иначе. Ва-си-лий Сте-па-нович. Повторите... Для первого раза неплохо. Потом еще попрактикуемся. Моя фирма называется Heaven Network Сеть Inc. Мы обеспечиваем телефонную связь вдов с душами их умерших мужей. Не делайте такие глаза. Чтобы бизнес был успешным, в его основе должна лежать оригинальная идея, воплощенная на новейшей технологической основе. Не забыли, как меня зовут? Правильно! Василий Степанович! Клиенткам будет вручаться телефонная трубка с двумя кнопками: «ON» и «OFF». Ваш телефон будет снабжен преобразователем тембра голоса. Интонации и манеру вести разговор придется потренировать. Компьютер вам может понадобиться для оперативного извлечения сведений биографического и прочего личного характера. У нас работают два опытных детектива, которые эту информацию собирают. Не пугайтесь. Практика показывает, что говорить требуется обычно мало, главным образом приходится слушать и поддакивать...

И дело пошло. Клиенток босс находил сам. Непосвященному могло показаться, что у него на них нюх, но все было гораздо проще. Василий Степанович регулярно прогуливался на своем «Кадиллаке» по кладбищенским аллеям, присматриваясь к публике в процессиях и к одиночным посетительницам. Его наметанный глаз практически безошибочно выявлял оптимальное соотношение глупости и денег. Очень хорошо на податливость клиенток влияли вкрадчивый тенорок Василия Степановича с мягким славянским акцентом и демонстрация высококачественных репродукций с музейных документов Ватикана. Не важно, что именно там было написано на непонятной латыни, главное то, что при этом произносилось. Разумеется, цены на телефонные контакты с загробным миром назначались астрономические.

Штат «мертвых душ» был укомплектован потерявшими работу журналистами, писателями-неудачниками и актерами на подхвате, то есть людьми небогатыми, но с воображением. И конечно, как в любом творческом деле, не обходилось без забавных «проколов».

– Эта старая сука меня совсем заколебала, – жаловался Василию Степановичу газетный волк, контракт с которым был подписан только после того, как он зашил себе подмышку антиалкогольную «торпеду». – Представляете, она каждый день пилит меня за то, что я завещал 25 процентов единственной дочери от первого брака. Я ее спрашиваю: тебе что, на жизнь не хватает? Говорит: я должна думать о будущем! А самой 76. Я тогда спрашиваю: ну, и что ты

предлагаешь? Она: перепиши завещание! Тогда я ей начинаю плести, что мне нечем писать, потому что я уже бесплотен. А она: знать ничего не знаю, перепиши, и все!

– Потерпи, дорогой! – успокаивал босс. – Она пока платит, значит, довольна. Таким муж нужен для того, чтобы с ним ругаться. Еще неизвестно, что лучше. Майк вон изнемогает от бесперывного любовного воркования, хотя его «голубке» не меньше лет, чем твоей. Потерпи!

– Василий Степанович, я влип! – плакался характерный актер, исполнитель эпизодических ролей убийц и бандитов. – Клиентка позвонила поздно вечером, когда я уже был в постели с женой. Жена что-то недовольно вякнула, та услышала и теперь изводит меня своей ревностью.

– Скажи, что это ангел рядом пролетал.

– Уже говорил. А она: знаю я этих ангелиц! Это часом не та, от которой ты свой СПИД подцепил? Ну, что ей на это ответить?!!

– Ничего не отвечай. Наша сила – в нашей духовности. Просто вздыхай, можешь даже всплакнуть.

– А что, это идея!

Иногда среди трудовых будней вспыхивали неожиданные праздники. Одним из них стала женитьба потрепанного жизнью писателя на своей клиентке – молоденькой вдове. И никому в голову не пришло обвинить его в использовании служебной информации в личных целях, потому что атмосфера в компании царил панибратская. Ну, совсем как в российских конторах.

Недавно я узнал, что Василий Степанович собирается выставить свою кандидатуру на пост мэра небольшого городка в Калифорнии.

Русские идут!

2002.

Интересная жизнь

На самом деле жизнь вовсе не интересная. Она полна однообразия, рутины и скучных привычных гнущностей. Если бы жизнь и впрямь была интересной, мы бы не тратили деньги на билеты в кино и на концерты знаменитых несколько десятилетий назад гастролеров, не покупали бы книги и газеты и не сидели бы по уши в Интернете. Все эти более или менее удачные выдумки подобны специям, придающим острый вкус постной жвачке повседневности. Но иногда и сама жизнь, подобно чеховскому осколку бутылочного стекла в лунную ночь, вдруг сверкнет бриллиантовым блеском прямо нам в глаза и снова подернется сумеречной мутью.

В Киеве на одной лестничной площадке соседствовали две молодые семьи – Ткаченки и Лифшицы. Они вселились в эту пятиэтажную «хрущобу» в один день, в один месяц родили по младенцу и дружили так, как могут дружить только интеллигенты-романтики: вместе забирались с шашлыками в рюкзаках на совершенно не радиоактивную тогда Припять, пели под гитару песни у костра или под пиво с воблой ругали Советскую власть то на одной, то на другой крохотной кухне.

Именно на кухне, причем не у Сони и Левы Лифшицев, а у Жоры и Оксаны Ткаченко, родилась идея «свалить» из "тюрьмы народов", Идея, прямо скажем, для 1976 года не шибко оригинальная, потому что именно тогда в незыблемом, казалось бы, "железном занавесе" образовалась узкая, но заманчивая щель. Расставаться друзья никак не хотели, но если для Сони с Левой выезд представлялся вполне реальным, то для Жоры и Оксаны, по понятным причинам, он выглядел совершенно несбыточным. И тогда они решились на хитрую авантюру, для обозначения которой в английском языке есть хлесткое слово «change» – то есть «обмен». Вы догадались чем, вернее кем. Женами! По-нарошке, конечно, только для того, чтобы выехать.

Хотеть, значит мочь. Энергия молодости способна и не на такие подвиги. Но если быть совершенно честным, то идея имела некоторое подсознательное, непрогнозируемое вслух подкрепление. Лева, например, всегда нравился Оксанин пышный бюст. Он его волновал и даже несколько раз снился. А Соне нравились широкие Жорины плечи. Молодость, молодость... Короче, ребята совершили не просто синхронный бракоразводный процесс, а перекрестный развод-брак. И подали документы на выезд.

Сейчас-то мы уже знаем, что наша родная советская бюрократия – ягненок с ангельскими крыльями по сравнению со ржавыми бездушными шестернями государственной бюрократии в Северной Америке. А тогда не знали, фантазировали, выдавали желаемое за действительное. И вот родной советский ОВИР как-то очень быстро выпустил Жору с ракетой-носителем Соней и Сониным Мишкой и уже собрался выпускать Леву с Оксаной и Оксаниным Петькой, как грянул 1979 год. В Афганистан был введен "ограниченный контингент" советских войск, Запад обрадовано возмутился, СССР отреагировал адекватно и законопатил щелку в "железном занавесе".

Ткаченки в качестве счастливых-отщепенцев оказались в Риме, а Лифшицы на долгие десять лет угодили в отказники, то есть лишились нормальной работы и профсоюзных путевок. Ткаченки всего этого тоже лишились, но в совершенно других условиях.

"Это" с ними случилось в крохотной комнатке с видом на Средиземное море, когда маленький Мишка уже спал. Соня потом плакала. Жоре не понравилось, что она плачет так часто и он сказал: "Да хватит тебе убиваться! Мы сами выбрали свободу". И она перестала.

В Киеве «это» тоже не заставило себя долго ждать. Оксана шептала: "Я им отомщу!". Лева был серьезен и задумчив. Прежние его сны оказались в руку...

После Рима Ткаченки попали в Канаду. Соня довольно быстро освоилась, подучилась тому и этому и стала преподавателем колледжа. А Жора года полтора лежал на диване, грустил, даже попробовал пить, но это душевное занятие было быстро пресечено супругой. В конце-концов ему удалось устроиться по своей инженерной специальности. Гибридная семья расцвела, заколосилась и даже произвела на свет маленькую канадку Клару.

Когда весть об этом просочилась на Украину, антагонизм прежних друзей достиг крайней степени. Время от времени в маленькой киевской квартирке звучали даже такие фразы: "Убью паразита!" или "Как она могла?!".

Никто никого, конечно, не убил. Когда полюбивший сало Лева, располневшая Оксана и гарный хлопец Петька оказались наконец на Западе, в Канаду они не поехали, а поселились в Нью-Йорке.

Историческая встреча брачных заговорщиков произошла на мосту между США и Канадой в радужной водяной дымке Ниагарского водопада. Посидели в ресторане, поговорили, все было на удивление спокойно. О возможности восстановления прежней попарности никто даже не заикнулся.

Все имеет свои границы: и верность Родине, и супружеская верность. Современный мир вообще склонен к размыванию всех и всяческих границ. Самое главное, что я ничего не выдумал, все так и было.

2002.

Штраф

– Тут тебе какое-то странное письмо пришло, я его случайно открыла. Кажется, тебя за что-то штрафуют.

– Что значит «случайно»? Тут же ясно написано: мистеру... мне. Сколько раз тебе говорил: не вскрывай чужих писем! Что за привычка, понимаешь...

– Не бурчи! Я все равно по-письменному ни черта не понимаю.

– Пора бы...

Он взял конверт и спустился в подвал. Внутри, действительно, была штрафная квитанция от «The Conscience Association» на 275 долларов.

«Где же это я вляпался, – подумал он. – Неужели всплыла история с аварией. А может быть, это еще киевские дела...».

Он стал изучать квитанцию внимательнее. Сумма штрафа состояла из двух частей: 100 долларов за «wrong behavior» и 175 – за «negative attitude».

«Ну, «behavior» – это понятно, это значит «поведение», по почему «wrong», то есть «неправильное», – начал ломать он голову. – И что это еще за «attitude» такой? И почему он к тому же «негативный», то есть опять неправильный? Может, на какой-нибудь радар в кустах напоролся, который автоматически фотографирует номер машины...»

– Куда ты словарь опять подевала? – закричал он жене. – В доме всего одна книга, и той не доищешься!

– Нужен мне твой словарь! Я и без словаря как-нибудь проживу. Небось побольше твоего зарабатываю!

– Опять считаться начала. А кто тебя сюда притащил? Забыла?

Словарь в конце концов нашелся в гараже, и он вспомнил, что сам его туда принес, когда разбирался с инструкцией к газонокосилке. «Attitude» переводился сразу несколькими разными словами: «поза», «осанка», «отношение», «позиция»...

«Хрен его знает, поза им моя не нравится. Чуть какая-то! Надо ехать разбираться».

Он завел свой «джип», минуты три прогрел мотор, густо задымив гараж, и отправился по указанному на конверте обратному адресу, благо это было совсем недалеко.

Здание «The Conscience Association» сверкало металлом и стеклом, напоминая церковь, построенную из чересчур современных материалов.

– Я получил это письмо. Я думаю, это ошибка, – сказал он девушке-секретарше на бойком английском, но с русским произношением и киевскими интонациями.

– Посидите, пожалуйста, – предложила та, взяв письмо.

«Ничего, но очень зубастая, – подумал он. – Слишком уж лыбится».

Едва он присел на кожаный диван и взял в руки красивый глянцевый журнал для женщин, из внутреннего помещения в приемную вышел элегантно одетый стройный седой мужчина.

– Мистер?..

– Я! – ответил по-военному он, вскакивая с кресла.

– Пройдемте со мной.

«Уж не чека ли это ихняя?» – встревожился он, следуя за элегантным мужчиной.

Комната чем-то напоминала кабинет генерального директора их автохозяйства в Киеве.

– Итак, вы полагаете, что штраф начислен вам неправильно? – сказал на чистейшем русском языке мужчина.

Его сердце бешено забилося. «Неужели и здесь достали? – испугался он. – Вот уж не ожидал. А с виду типичная канадская контора».

– Я... не знаю, – промямлил он.

– Может быть, вы полагаете, что ваше поведение безукоризненно...

– Не знаю...

– А я уверен, что вы все знаете. Вы мужчина в расцвете сил и память у вас должна быть хорошая. Вы должны прекрасно помнить все, что вы делали раньше. Кроме того, вы, конечно, прекрасно разбираетесь в том, что такое «хорошо» и что такое «плохо». Так?

– Наверное...

– А теперь я попрошу вас в порядке обсуждения правомерности вашего штрафа специально напрячь память и самому себе ответить на простой вопрос: всегда ли ваше поведение было правильным.

В комнате повисла напряженная тишина.

– Ну, может быть... Иногда... – Он твердо знал, что ни в коем случае нельзя позволять брать себя на пушку и тем более колотиться самому.

– Кстати, почему дочка у вас совсем не говорит по-русски? Она ведь довольно большой приехала. Ей было, кажется, двенадцать лет. Вы к ней обращаетесь по-русски, а она вам отвечает по-английски. Странно как-то. Вот и спросите у нее, если она вся такая англо-говорящая, что означает название нашей организации. Хотя, я думаю, ее английского в данном случае будет недостаточно...

– С поведением я понял, – решил он ускорить тягостный разговор. – А почему за «attitude» так много? Я на нудистский пляж не хожу и никаких неприличных поз не принимаю. – Вы кого-нибудь по-настоящему любите?

– Ну, дочку. Еще Барсика...

– Понятно. Жену в этот перечень вы, конечно, не включаете. А теперь попробуйте вспомнить всех тех, кого вы не любите.

Он напрягся.

– Вот видите. Список получается длинный, даже слишком длинный. Это и есть ваш «negative attitude». Согласитесь, что сумма в 175 долларов вовсе не завышена. Более того, если быть совершенно беспристрастным, то она просто смехотворна.

– ...Да перестань ты брыкаться! Ни днем от тебя покоя нет, ни ночью! – узнал он голос жены.

– Извини, сон страшный приснился.

– Что-то часто тебе стали страшные сны сниться. Сходил бы к врачу, что ли...

И он, действительно, собрался и пошел к русскому врачу-психотерапевту, которого ему посоветовал Боря. Врач внимательно выслушал все его жалобы и выписал рецепт на лекарства.

– Это с утра перед едой по одной таблетке, а это – перед сном по две, – сказал врач. Вот счет. Расплатитесь в приемной.

Перед окошком медсестры он рассеянно взглянул на бумажку в руках и с удивлением увидел цифру: 275 долларов...

2002.

Стон!

Едва Егор эмигрировал, как сразу стал иммигрантом...

Множество людей даже не подозревают, что «эмиграция» и «иммиграция» – это два разных слова, которые не только по-разному пишутся, но и означают совершенно разные вещи. Эмигрант – это человек, который откуда-нибудь уехал, чтобы там больше не жить. Я, например, эмигрировал из Москвы. А иммигрант, напротив, – это тот, кто приехал куда-нибудь жить. Мы все в Канаде – иммигранты. Нашими делами занимается специально созданное для этого Министерство иммиграции – Citizenship and Immigration Canada. Министерство эмиграции, если и существует, то не здесь. В советские времена в КГБ СССР было специальное управление, отслеживающее умыкнувших за бугор соотечественников. Сотрудники комитета, работающие за рубежом под прикрытием посольств, консульств, торгпредств, корреспондентских пунктов и других вполне официальных организаций неофициально собирали информацию о бывших советских гражданах и даже, будто бы, получали за каждую эмигрантскую голову небольшие деньги.

Сегодня эмиграции больше не существует. Некоторые граждане Российской Федерации и других стран СНГ, случается, выезжают за рубеж приработать денег или развеяться. Часть из них оформляет бумаги, разрешающие постоянно проживать в той или иной стране. Причем, обратите внимание, бумаги эти выдаются зарубежными, а не отечественными ведомствами. Никому и в голову не приходит отказываться от российского, к примеру, паспорта, который ничем не хуже хотя бы аргентинского. Секретным агентам больше не надо таких людей выслеживать, потому что они сами плотными рядами идут в консульства регистрироваться или продлевать свои родные паспорта. Короче, все вроде бы вернулось в рамки здравого смысла.

...История с Егором началась давно, еще до эпохи массового столкновения «Запорожцев» с «Мерседесами», даже до обретения Украиной независимости. Но уже после практики позорного лишения эмигрантов гражданства за их же деньги. Ветер свободы всюду развеивал занавески в распахнутых настежь окнах Союза Советских Социалистических Республик. Именно благодаря особенностям этого переходного исторического периода жена Егора через две недели после их отъезда устроила жуткий скандал и одна улетела обратно в родной Славутич. В какой стране произошел скандал, я не скажу, потому что для последующего развития событий это не имеет значения. Скажу только, что окончательно Егор поселился в Канаде.

А теперь о главном. Еще на Украине бывалые люди предупреждали Егора, что с женщинами на Западе напряженка. Такого, чтобы пойти прогуляться, подсесть к кому-нибудь на лавочке в парке, поболтать о том о сем, а потом совершенно бесплатно опраться к новой подружке ночевать, об этом в америках не могло быть и речи. Здесь, если у кого и есть жена или, к примеру, муж, то в нее или в него вцепляются зубами и держатся насмерть. По этой причине свободных русско-говорящих женщин среднего возраста практически нет. Что касается свободных англо-говорящих женщин среднего возраста, то они эмансипированы настолько, что полностью утратили базовые женские качества. Compliments и заигрывания для них – уголовно наказуемые деяния. Манящее романтической мрачностью слово «отчуждение», вычитанное когда-то Егором в романах американских писателей, вдруг мертвой хваткой схватило его самого за горло. Или, вернее, не за горло...

Опять отвлекусь, потому что эта душераздирающая история перекликается с некоторыми из моих собственных наблюдений. Каждый четверг я подрабатываю развозкой по городу бесплатной молодежной газеты на английском языке. Работой этой дорожу, потому что редакция обеспечивает меня казенным транспортом и неплохо платит. Я перезаряжаю свежими газетами знакомые всем вам железные ящики на улице и рассовываю стопки разной толщины по магазинам, ресторанам, барам, студиям и прочим мелким и крупным конторам, в том числе по нескольким секс-шопам и стриптиз-барам. С некоторыми из хозяев этих заведений я болтаю о всяких пустяках и заодно расспрашиваю об особенностях их бизнеса. Надо сказать, что дело это прибыльное. Канадцы – и канадки! – так и прут. О том, что заставляет их сексуально окормляться не в любви и браке, а перед экраном телевизора или за разглядыванием журнальных картинок, я могу только гадать. Может быть, причина кроется в пресловутом западном отчуждении, а может быть, пуританское воспитание в детстве оказало на них такое же действие, как насильственный визит нашего кота к ветеринару. Надо заметить, что после этого визита кот похотливости не утратил, а лишился лишь специфического мужского запаха. В результате кошки его не любят, но он не унывает и ежедневно одаривает ласками ту или иную шерстяную тряпку в доме. Судя по выражению его морды, несчастным он себя при этом не чувствует. Так, может, и клиенты секс-шопов так же...

Итак, Егор страдал ужасно. Провожая взглядом очередную изредка попадающуюся на здешних улицах красавицу, он только стонал и скрежетал зубами. Для пышущего здоровьем 42-летнего мужчины, к тому же брүнета, одиночество невыносимо. Но где и кого?.. Те молоденькие девушки, которые были привезены сюда детьми, говорили на ломаном русском языке и с 14–15 лет поголовно имели так называемых бой-френдов. Егор даже начал подумывать, не прибегнуть ли к услугам уличных жриц любви, но интеллигентская застенчивость и природная брезгливость удерживали его от этого шага...

Уверен, что в данном случае интеллигентская застенчивость – лучшая линия поведения. Одно время мне довелось поработать ночным таксистом. Насмотрелся я на этих тружениц панели достаточно, когда развозил их по ночным делам. Отвратительные, бессовестные, вороватые и крайне примитивные существа. Только единожды у меня в машине оказалась студентка университета, которая таким способом подрабатывала на жизнь. Но она была достаточно умна, чтобы не быть выбираемой, а выбирать клиентов самой. В тот раз я отвез ее в мотель с юным богатым красавцем из Бельгии...

В конце-концов все обошлось для Егора удачно. Он давно мечтал прокатиться в Нью-Йорк, и когда такая возможность представилась, немедленно ей воспользовался. В Бруклине, на знаменитом Брайтоне, он зашел в русский книжный магазин и был потрясен богатством его ассортимента. Перебирая на полках книги, о которых давно слышал и которые мечтал прочитать, он оказался по соседству с молодой женщиной в очках. Ничего особенного в ней не было, но он почему-то начал совершать как бы непринужденные микро-шажки в ее сторону. Она тоже его как бы не замечала, но вся сосредоточилась на так называемом боковом зрении, которое у женщин развито значительно лучше, чем у мужчин. Иными словами, нос у нее был направлен в раскрытую книгу, а глаза вместе с очками съехали набок, как у камбалы, и сфокусировались на Егоре. Тот собрался с духом и произнес: «Шикарный магазин! У нас в Кингстоне таких нет». «А где это – Кингстон? В Нью-Джерси?» – спросила она. «Нет, в Канаде», – отве-

тил он, пытаясь сдержать сердцебиение, вызванное исходящим от нее неуловимым, но таким родным ароматом...

Сейчас они уже восемь лет муж и жена, у них подрастает маленький канадец Васька и все очень хорошо. А первой жене Егора в Славутиче вырезали щитовидку.

Если вам вдруг станет одиноко – поезжайте в Нью-Йорк.

2002.

Безотцовщина

Инга была безотцовщиной аж в третьем поколении.

Прабабка Инги познакомилась с красавцем-летчиком весной 1941-го. 22-го июня он вылетел в западном направлении, и с тех пор его больше никто никогда не видел. А в январе 1942-го прабабка родила Ингину бабушку. Было это в блокадном Ленинграде. Прабабка сумела и сама выжить, и сохранить жизнь ребенку. После войны она перебралась в Москву, благодаря своей красоте устроилась в МИД и много лет проработала в советских посольствах за границей. Замуж она так никогда и не вышла. А бабушка росла по интернатам, хотя и элитарным, но все-таки... Наезжавшая раз в год на месяц приятно пахнувшая благородными духами мать была разительно непохожа на всех известных бабушке женщин и твердила только одно: "Учись, дочка. Учеба – это главное".

Бабушка выросла и поступила на переводческий факультет Института иностранных языков. На третьем курсе она познакомилась с красивым курсантом пограничного училища. Когда он получил лейтенантские погоны, они расписались и уехали на горную погранзаставу в Таджикистане. Там бабушка родила Ингину маму. Жизнь на заставе была дикой и странной. Как-то муж по пьянке устроил дуэль со старшиной из ракетниц. Ракета угодила ему в плечо, там образовался чудовищный гибрид кровоподтека, синяка и ожога. Муж его скрывал, продолжал нести службу и самостоятельно лечился водкой. Бабушка после этого вернулась с дочкой в Москву и подала на развод. Вторично замуж она так никогда и не вышла, одна растила дочь, работая в библиотеке МИДа, куда ее перед смертью устроила прабабка. "Учись, дочка, – повторяла она Ингиной матери. – Я вот, видишь, слупила, бросила институт ради твоего придурка-отца, и теперь, как дура, сижу в пыльной библиотеке. А могла бы с переводческим дипломом разъезжать по миру..."

Ингина мать поступила в педагогический институт. На последнем курсе у ней случился роман с молодым профессором, она забеременела, родила Ингу, но развести профессора со старухой-женой так и не сумела. Несмотря на все эти страсти и скандалы, мать героически сдала госэкзамены, написала дипломную работу и стала преподавателем английского языка. Замуж, впрочем, так и не вышла. Время было интересное. Перестройка естественным образом вылилась в развал страны, железный занавес испарился, интеллигенция кинулась врассыпную, и Инга с матерью оказались в Канаде. Мать с головой нырнула в изучение французского языка, как будто английского ей было мало. Видимо, семейный завет учиться во что бы то ни стало закрепился уже на генетическом уровне. Она и Ингу все время пилила: "Учись! Учись!" Вообще, она много чему учила Ингу. Это была детально разработанная философская система обоснования безотцовщины. В тезисном изложении она звучала примерно так:

– Все мужики – сволочи. Их поведение обусловлено животными инстинктами. Когда у них гон, они обычно обещают золотые горы. Верить им нельзя. Едва появляется даже слабый намек на то, чтобы взять на себя хоть малейшую ответственность, они или исчезают, или уходят в запой, что одно и то же. Так называемой любви не существует. Есть только мужская похоть. У них в голове один секс. Они на него слетаются, как мухи на мед. А для женщины секс – наказание. Во-первых, ничего хорошего в нем нет. Все эти сказки про сладкие оргазмы – вранье. Их придумывают корыстные женщины, чтобы заманить в свои сети богатых мужчин. Во-вторых, секс опасен для здоровья, потому что сулит венерические заболевания и ненужные мучительные беременности. Венерических болезней – тысячи, ученые-медики до сих пор продолжают открывать все новые и новые. А что касается беременностей и аборт, то они унесли жизни даже не тысяч, а миллионов женщин, которые не сумели уклониться от мужских приставаний. Поэтому надо полагаться только на себя. Самый надежный фундамент в жизни – образование. Учись, дочка, и ты станешь хозяйкой положения.

Несмотря на столь стройную идеологию мужененавистничества, Ингина мать не оставила попыток выйти замуж. Время от времени в их доме появлялись разные мужчины, как правило, немолодые, пузатые и потертые. Мать преображалась, начинала пахнуть французскими духами, но мужчины быстро исчезали, и жизнь вновь вязла в бытовой рутине. Правда, один из них Инге понравился. Это был даже не материн ухажер, а молодой спортивный приятель материного ухажера.

Пока мать притворялась домовитой и, показушно напевая, что-то изображала на кухне, приятель ее ухажера взял 14-летнюю Ингу за руку и повел... в ресторан! Там он купил ей мороженое, и они до изнурения резались в пинг-понг. Играл парень, как бог, вел себя по-товарищески и никаких поползновений приставать не обозначал. А когда они вернулись домой, загрузили в машину приготовленную матерью и поехали на одно из бесчисленных канадских озер, Инга сообразила, почему они проводят воскресный день именно в таком составе. Молодой парень был просто шофером, потому что у материного ухажера не было ни машины, ни автомобильных прав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.